

**Владимир Венгловский
Вячеслав Бакулин
Дарья Зарубина
Дмитрий Олегович Силлов
Элеонора Генриховна Раткевич
Владимир Константинович Аренев
Антон Тудаков
Александр Карлович Золотько
Майкл Гелприн
Роман Валерьевич Злотников
Эйлин О'Коннор
Сергей Раткевич
Владимир Свержин
Грэй Ф. Грин
Олег Кудрин
Вера Викторовна Камша
Ника Батхен
Людмила Демина**

Шпаги и шестеренки (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9278447

Шпаги и шестеренки : [фантастические повести, рассказы] / составители Вячеслав Бакулин,

Людмила Демина: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-089754-4

Аннотация

Лондонский туман по-прежнему холоден и густ. В нем одинаково легко тонут дворцы и трущобы, горести и радости, слова любви и призывы о помощи.

Чей силуэт промелькнул в тусклом свете газовых фонарей – гениального механика или благородного вора? Обнищавшего дворянина или богатого призрака? Человека со стальной рукой или куклы с человеческим сердцем? А может, это просто неугомонный инспектор Скотланд-Ярда охотится на инопланетян, обосновавшихся по адресу: Бейкер-стрит, 221Б?

В столице Империи и среди африканского вельда, на просторах Черного моря и в снегах Санкт-Петербурга, в затерянных гротах и океанских глубинах ни на миг не прекращается извечное противостояние: традиции против прогресса, новаторство против архаики, шпаги против шестеренок.

Элегантно! Эксцентрично! Эпохально!

Увы, о том, кто победит, вряд ли напишут в «Таймс»...

Содержание

Владимир Венгловский	5
Грэй Ф. Грин	13
Майк Гелприн	25
Вячеслав Бакулин	38
Вера Камша	49
Александр Золотько	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Шпаги и шестеренки (сборник)

© В. Бакулин, Л. Демина, составление, 2015

© Коллектив авторов, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Владимир Венгловский Дети луны и тумана

«В день летнего солнцестояния почетные члены клуба Механиков сэры Джон Редмонд и сэры Эван Броуди совершат повторное испытание сконструированной ими машины пространства. Первое, как помнят наши читатели, в прошлом году завершилось катастрофой – взорвался паровой котел. Тела смелых механиков были восстановлены за счет клуба.

«Сочетание механики и алхимии творит чудеса, – заявляют изобретатели. – Сегодня мы сможем проложить путь в иные миры и расширим границы Британской империи! Слава королеве!»
«Таймс», Лондон, 1895 г.

* * *

Ночь превращает Город в загадку. Пронизанная туманом мгла расползается по подворотням, вспыхивают газовые фонари, подмигивают огнями закрывающиеся окна. Улицы, столь оживленные днем, пустеют, отдавая власть в Городе шуршащим дубовым листьям. Листья сыплются безостановочно, будто их целыми охапками сбрасывают с зависшего над Городом дирижабля. Гонимые ветром, они разлетаются по каменным мостовым, цепляются за железные паутины оград, укрывают коричневыми лоскутами паровые дилижансы. Плывают игрушечными корабликами по темной воде Грейт-Уз.

Я люблю стоять на старом мосту, ведущем за город. Восточная часть Города, уже давно ставшая моей тюрьмой, светится россыпью звезд. На западе возвышаются черные остовы горелых кварталов. Впереди, за мостом, туманная неизвестность. В ночной тишине ветер шелестит среди дубовой рощи, до которой мне никогда не добраться.

Но кроме рощи я вижу залитую лунным светом туманную дорогу. Я знаю, что в действительности ее нет, что это лишь мираж иного мира, едва заметный, но таинственно-прекрасный, который, не переставая, зовет меня к себе.

– Тебе тоже нравится это место.

Добрый Малый Робин подошел как всегда неслышно. Только что мост был пуст, и вот уже закутанная в старомодный зеленый плащ фигура с шутовским колпаком на голове стоит у меня за спиной.

– Слово мир разделен надвое: добро и зло, ночь и день, – продолжил Робин, подойдя ближе и перегнувшись через каменные перила. – Нарушь хрупкое равновесие – и всё изменится, никогда не будет прежним. Так же, как вы изменили свой старый мир. Так же, как ты хотел изменить этот.

– В том мире я бы спас Элизабет.

– Спас? Или запер бы за шестеренками и электрическими проводами? – Робин смахнул с перил дубовый лист и тот, кружась, опустился в воду. – Я видел, как она уходила по лунной дороге, но, к своему удивлению, снова встретил ее этим вечером среди стогоревших домов.

– Не может быть, – сказал я и повторил: – Не может быть. Бетти умерла. Похоронена в фамильном склепе. Ее больше нет.

– Ты не веришь мне, человек? Тогда защищайся!

Робин выхватил из-под плаща шпагу. Гарду блеснувшего холодным лунным светом клинка обвивала вечнозеленая ветвь. Каждый раз, когда мы фехтовали с Робинсом, мне каза-

лось, что ветвь выглядит по-другому, отображая настроение владельца шпаги. В этот раз она оцетинилась шипами терновника.

Я увернулся от выпада, выхватил клинок из своей трости, парировал следующий удар. В правой руке – шпага, в левой – ножны, в которые превратилась часть трости. При определенной сноровке они могут послужить дубинкой. Робин сражался, намотав длинный плащ на левую руку. Его школа фехтования была странной. Он подпрыгивал, словно кузнечик, казалось, даже зависал в воздухе, нападал неожиданно, не так, как фехтуют люди, рисковал и открывался, чтобы провести красивый прием. Но в то же время был неуязвим. Мы фехтовали, а мысли о Бетти не давали мне сосредоточиться. Плащ Робина дрожал перед глазами, превращал противника в зеленое размытое пятно.

Я не мог верить шуту Оберона, славившемуся своими выходками. Не должен был верить. Народу луны и тумана, шутникам и моим тюремщикам, вообще нельзя доверять. Но игнорировать слова Доброго Малого я не мог.

Мы не были с ним друзьями – ведь нельзя дружить с рекой или деревом, силы природы живут сами по себе. Но с недавних пор ему нравилось гулять вместе со мной. Он являлся незванным и пропадал, не прощаясь. Может быть, Робину просто не хватало собеседников среди людей, и он не хотел упускать возможность поболтать с человеком, который мог его видеть.

Выпад, парирование! Звон клинков! Робин фехтовал с нечеловеческой быстротой. Мне казалось, что он может легко проткнуть меня шпагой, но пока ни один из его выпадов не достиг цели. Зато я нанес меткий удар. Разрезанный плащ Робина затрепетал на его руке двумя зелеными лоскутами. Робин отпрянул.

– Ты славно фехтуешь, Джон! – Он опустил шпагу. – Твои механизмы дают тебе хорошую быстроту и реакцию.

Я тоже опустил оружие и шагнул к Робину.

– Но не добавляют тебе хитрости! – Робин резко взмахнул шпагой, метя мне в лицо.

Увернуться или парировать выпад я не успел, клинок оставил на лбу царапину и разрезал ремешок монокуляра. Прибор слетел с головы, звякнул о камни.

– Никогда не доверяй противнику, – засмеялся Робин.

Теперь я его не видел, и смех, казалось, доносился отовсюду. Я взмахнул шпагой, стараясь задеть невидимку, но это было бесполезно. Шут Оберона наслаждался положением.

– Никогда не верь детям луны и тумана. Верь только себе!

Острие его шпаги укололо меня в правую руку, я выронил оружие. Наотмашь взмахнул ножнами, отгоняя противника, пригнулся, надеясь поднять монокуляр, но Робин отбросил его в сторону.

– Ты слаб, сэр Джон. Твои механизмы тебе не помогут!

Я вскинул руку на голос, на смех своего тюремщика. Громко щелкнула пружина спрятанного в рукаве самострела, и тяжелая железная стрела просвистела в воздухе. Послышался вскрик. Будто наткнувшись на что-то, стрела остановилась, а затем медленно опустилась к мосту.

– Дурак! – прошипел Робин.

Я подобрал монокуляр, по стеклу которого теперь пробежала трещина, и прижал к глазу.

– Глупец! – Шут Оберона бился на камнях, как раненый пестрый зимородок.

Из его груди торчала стрела. Я бросился к Робину, склонился, приложил к ране носовой платок, вмиг окрасившийся кровью. Казалось, что за нами наблюдают тысячи лиц. Они скрывались в ветре и воде, прятались среди темноты. Над далеким лесом поднимались черные великаны.

– Сейчас, потерпи, – бормотал я.

Рана, пробившая сердце, смертельна. Там, в своем мире, я мог бы заменить сердце на механический насос, кровь вновь побежала бы по сосудам Робина, но что я могу здесь? Только создавать заводные карусели и игрушки на потеху публике, поднимать желающих на дирижабль – пародию на огромные воздушные корабли моего мира, и конструировать паровые дилижансы, которые развалятся, едва пересекут черту Города.

– Славно я тебя напугал, человек, – вдруг улыбнулся Робин.

Он сел, выдернул стрелу из груди, отбросил в сторону. Она покатилась по камням и с всплеском упала в воду.

– Хорошая шутка, – сказал Робин, но его лицо было неестественно бледным.

Он протянул мне руку. Я отвернулся, поднял шпагу, выпрямился и спрятал оружие в трость.

– Да ладно тебе, Джон, – улыбнулся Робин. – Подумаешь, эка невидаль, в который раз меня уже убивают. Шута Оберона не подстрелить, словно куропатку. И вообще нам с тобой не привыкать к смерти.

Я отряхнул пальто.

– Ты шутил насчет Бетти?

– Нет, сэр Джон, я был совершенно серьезен. Я видел Элизабет сегодня на рассвете. Она шла в то время, когда утреннее солнце встретилось на небе с луной, и еще сверкали последние звезды, но Элизабет не замечала этой красоты. Ее глаза были пусты, а шаги, как у куклы-марионетки, которую дергают за ниточки.

– Она шла в глубь горелых кварталов?

– Возможно, – пожал плечами Робин. – Я не следил – мне было не до этого – меня ждала прекрасная Оливия, чьи крылья тонки, как ветер, а тело обольстительно, как июльская роза. И – да, Элизабет ни капельки не изменилась, будто не прошло шести лет, во время которых ты в одиночестве блуждаешь ночными улицами, хотя вокруг столько красивых женщин.

– Я должен ее найти.

– Как хочешь, – пожал плечами Робин и спрыгнул с моста во тьму.

Всплеска воды я так и не услышал.

* * *

Особняк достался мне после свадьбы с Бетти. Это был ее фамильный дом: большой, могучий, словно выросший корнями в Город, он непоколебимо стоял с момента своего основания сэром Ольмером – пра-пра-прадедушкой Элизабет и, казалось, простоит здесь еще не одну тысячу лет. С множеством комнат и просторными мастерскими в подвалах – владениями Маккензи. Именно во дворе этой усадьбы мы оказались, когда сломалась наша машина пространства. Элизабет увидела нас первой.

Помню испуг в ее глазах и белое платье, залитое чаем, – от неожиданности Бетти выплеснула на себя содержимое чашки.

– Хотите чаю, джентльмены? – спросила она, когда мы выбрались из машины, которая ухала и плевалась паром, как металлический зверь. У колес извивался оторванный хвост с костяными шипами. Он медленно таял в воздухе, оставляя после себя росу на траве.

Восстановить нашу машину мы так и не смогли. Она упорно отказывалась работать. Эфир не хотел охлаждаться в змеевике. Когда решалась эта проблема, отказывал паровой котел, и Маккензи, ругаясь на древнеирландском, нырял в его недра. Наконец, когда котел начинал кашлять и выпускать клубы пара, обнаружилось, что сбились настройки вычислительной машины, и нужно вновь проводить калибровку. После опять не работала система подачи эфира.

Маккензи, мой слуга и мой друг, третий член нашей команды, пытается починить машину до сих пор.

Город покинуть мы не смогли. Стоит пересечь невидимую черту, как паровые котлы перестают работать, механические дилижансы останавливаются, а дирижабли падают. Наши механизированные тела распадаются на отдельные детали.

Раз за разом я восстанавливал Эвана после каждой его неудачной попытки бежать из Города. Эван – лучший механик, которого я знаю. Вместе с ним мы сконструировали машину пространства. Но порой он бывает таким упрямым!

«Сегодня обязательно получится», – говорил он с сумасшедшим блеском в глазах.

«В этот раз я точно пойму, что нас не пускает».

Заброшенная мастерская, где Эван делал часы, что заводились сами по себе и выпускали летать по комнатам механических кукушек. Боль и отчаянье. Груда окровавленной плоти и механизмов, которые носят порядковые номера Эвана Броуди. Снова боль и отчаянье, и новые попытки уйти, ставшие навязчивой идеей.

В поисках виновников наших неудач, мой компаньон ополчился на весь Город, теперь его называют Безумным Часовщиком. Редко кто отважится зайти в горелые кварталы, в которых он обосновался. Говорят, что скоро должны прислать военный отряд, чтобы выкурить его оттуда.

Я смирился. Тихая жизнь семьянина в провинциальном городке, механические игрушки и паровые экипажи, передвигающиеся в пределах Города, карусели по праздникам – маленькая индустриальная революция в замкнутом пространстве.

Через три года супружеской жизни Элизабет умерла от туберкулеза, а я не смог ее спасти.

– Доброй ночи, сэр! – вышел мне навстречу Маккензи с перевязанной рукой, на его плече сидел Гарольд. – Или уже утро? Вам нужно брать меня с собой, не ровен час, ваши ночные прогулки могут плачевно закончиться. У вас лоб поцарапан.

– Гар-р-рольд! – прокаркал механический ворон и растрепал клювом рыжие кудри Маккензи. – Гар-р-рольд! Др-р-ракны справа!

– Не беспокойся, Маккензи, – сказал я, стирая со лба кровь. – Что у тебя с рукой?

– Снова змеевик соскочил, забери его баньши! – ухмыльнулся Маккензи. – Удивлен, как мы с нашей старушкой еще не доконали друг друга.

– Падаем! – заорал Гарольд. – Пр-р-риборы! Пр-р-риборы! Др-р-ракны справа!

В голову птицы прочно въелся момент катастрофы.

– Собирайся, – сказал я Маккензи. – Возьми с собой тот маленький домкрат, удобный для переноски.

– Прямо сейчас? – спросил Маккензи.

– Да.

– Хорошо.

Маккензи подхватил свой ящичек с инструментами. Я заметил, как он спрятал под куртку револьвер.

– На всякий случай, – пояснил он, заметив мой взгляд. – По ночам нынче опасно ходить, забери его баньши. Поедем на дилижансе, сэр?

– Нет, не стоит привлекать лишнее внимание.

Мы вышли в ночь. До кладбища было идти несколько кварталов. На брусчатой мостовой колыхались круги света от газовых фонарей. Сухие листья падали под ноги и вновь взмывали к светильникам стаями мертвых бабочек. По хорошо знакомой улице можно идти с закрытыми глазами, в любой момент зная, где ты сейчас находишься, и что скрывается за каждой дверью.

Возле наклоненного фонаря прочные дубовые двери алхимической лавки старика Ллойда. По сравнению с моим прошлым миром, здешняя алхимия – детские потуги сотворить что-то нужное. Здесь не происходит реакция кристаллизации света, здесь с помощью алхимических рун нельзя привязать человеческую сущность к механизмам.

Дальше – резные двери булочной мадам Баттерфляй. Бетти очень любила ее сдобу, но переживала из-за того, что может излишне поправиться. На углу двенадцатой и десятой-стрит, как обычно, дежурит Джеймс Тенн, втягивает голову в плечи, словно нахохлившийся воробей.

– Ветрено сегодня, сэр! – поприветствовал меня полисмен, отдавая честь. – Куда вы ночью?

– По делам, Джеймс.

– Следите за пауками, вечером одного видели в табачном переулке.

– Мы будем очень осторожны. Счастливого дежурства.

Когда показалась кладбищенская ограда, на луну напоззло вуалью полупрозрачное облако. Часы на ратуше – творение Эвана – пробили три раза.

– Др-р-раконы! – оглушительно закричал Гарольд, за что получил от Маккензи по клюву.

– Сэр, – обратился Маккензи ко мне, приглаживая рыжие кудри, – не нравится мне всё это. Может, скажете, куда и зачем мы идем? От этого места бросает в дрожь, заberi его баньши! Говорят, что именно в таких местах можно встретить лунный народец.

Я, не останавливаясь, шел дальше.

– Сэр, вы верите в лунный народец? – догнал меня Маккензи.

Я неопределенно пожал плечами, открывая скрипнувшие ворота.

– Я не верю, но говорят... Сэр, вы только не смейтесь, но говорят, что это они не выпускают нас из Города. Не хотят, чтобы мы меняли этот мир. И еще говорят, что лунный народ обитает на границе между мирами живых и мертвых. Через их земли ведет лунная дорога, по которой уходят души умерших. Вы верите в эти сказки, сэр? Нет? А вот Часовщик, то есть, простите, сэр Броуди, верит. Все эти его пауки... Ваш друг объявил войну лунному народцу. Его механизмы ползают по Городу и ищут, ищут...

– Помолчи, – бросил я.

– Но, сэр, – продолжил шепотом Маккензи, – вы говорили, что драконы, напавшие на нас во время путешествия, это только игры нашего сознания. Что лунная дорога, которая чудится умирающим, – это лишь галлюцинации. Но мне всё больше вспоминается, что наша машина двигалась по ней... По лунной дороге на границе миров. И нас не пустили. Нас оставили в живых, но теперь не выпускают из Города.

– Мы давно умерли, Маккензи, или ты забыл? Мы существуем благодаря науке, и ей должны верить.

– Помню. – Маккензи поднял левую руку и посмотрел на вытатуированный ниже запястья номер, который присваивался восстановленным.

Все наши детали именные.

На ветке раскидистого дуба возле фамильного склепа Элизабет сидел Добрый Малый Робин и покачивал ногой.

– Вот и вы! – поприветствовал он нас, спрыгивая на землю. – Я уже устал ждать.

– Сэр, еще говорят, что лунный народец видят только мертвые, – не унимался Маккензи. Когда ему было не по себе, он начинал излишне болтать. – А Часовщик считает, что их можно увидеть с помощью оптических приборов... Если правильно настроить, заberi его баньши. Как думаете, сэр, это всё сказки?

Я посмотрел на улыбающееся лицо Робина и сказал:

– Наверное. Иди за мной.

Мы вошли в склеп. Возле саркофага Элизабет стоял букет засохших осенних хризантем, который я принес на прошлой неделе.

– Открой крышку, – приказал я Маккензи.

– Сэр, вы точно уверены, что это необходимо? Не надо, сэр, пожалуйста.

Казалось, что Маккензи готов расплакаться.

Я сам установил домкрат и с помощью Маккензи отодвинул тяжелую каменную плиту. Саркофаг был пуст. Тело Элизабет исчезло.

– Опускай, – приказал я и вышел на свежий воздух.

Сквозь ветви дуба светила луна, среди надгробий блуждали лунные зайчики.

– Убедился? – спросил Робин. – Что теперь будешь делать?

– Маккензи! – прокричал я.

Голос сорвался, я прокашлялся и уже спокойно сказал вышедшему следом за мной слуге:

– Мы идем в горелые кварталы. Искать Бетти.

* * *

– Сэр, вы думаете, что Бетти, простите, миссис Элизабет, восстановил Часовщик? – спросил Маккензи, когда мы подходили к горелым кварталам. – То есть, пытался восстановить. Наверное, он не хотел верить, что здесь это не получится. Просто чудо, сэр, что мы продолжаем с вами жить.

– Замолчи, – сказал я.

– Он должен был давно похитить ее тело. С самых похорон, заведи его баньши!

– Ты можешь заткнуться! – Я остановился и закрыл глаза.

Ночь, завладевшая Городом, успокаивала. Я чувствовал ее ритм, ее дыхание, словно всё окружающее было единым механизмом. Где-то цокали невидимые шестеренки, будто накручивая пружину ночи. Позади, на грани сна и яви, виднелась фигура Робина.

– Простите, сэр, – прошептал Маккензи.

– Это ты меня извини, – сказал я, открывая глаза и глубоко вдыхая холодный ночной воздух. – Идем, время не ждет. Как ты думаешь, зачем он это сделал?

– Кто?

– Эван.

– Не знаю, сэр. Наверное, хотел обрадовать вас. Или доказать самому себе, что способен... Что и здесь можно, если очень захотеть. А скорее всего...

– Что?

– Думаю, что он был влюблен в миссис Элизабет, но она выбрала вас.

Я остановился.

– Это правда?

Маккензи опустил взгляд.

– Только слепой этого мог не заметить. Простите, сэр. В миссис Элизабет трудно было не влюбиться.

Он обогнал меня и пошел в темноту. Последний фонарь дрожал слабым огоньком посреди улицы. Дальше начинались горелые кварталы. Невидимая пружина ночи продолжала закручиваться, щелкали ее механизмы.

– Берегитесь, сэр! – Маккензи оттолкнул меня и выхватил револьвер.

Гарольд, громко хлопая крыльями, сорвался с его плеча и скрылся в темноте.

Выстрел прозвучал едва слышно, от глушителя на стволе револьвера Маккензи отлетело облачко пепла, и разрывная пуля попала в выползшего из темноты паука. Бэмц! – металлический панцирь лопнул, его словно вскрыло изнутри, во все стороны брызнули осколки.

Меня чиркнуло по щеке. Зазвенело и посыпалось фонарное стекло. Паука приподняло над землей и швырнуло обратно. Оторванная клешня полетела мне под ноги.

– Вы ранены? – вскрикнул Маккензи.

– Ерунда.

Лапы паука шевелились. Механизм Безумного Часовщика пытался подняться, из дыры в его раскучуроченном панцире с шипением выходил пар.

– Осторожнее, сэр, он может взорваться!

Творения Эвана можно было встретить повсюду. Они ползали по улицам, забирались в дома, пугая народ. По слухам, убивали тех, кто пытался им мешать, хотя людская молва любит всё приукрасить. Не думаю, что это правда. Вычислители пауков были настроены лишь на одну задачу. Говорят, что в глубине горелых кварталов Безумный Часовщик создает всё новые и новые механизмы. Разные: большие и маленькие, высокие, шагающие над домами на длинных ходулях, и приземистые, ползущие металлическими гусеницами. Все они ищут лунный народец.

Где-то среди давно сгоревших во время Большого пожара домов, бродит моя Бетти. Вернее, лишь ее отражение, несущее маленькую частицу души, которую смог удержать сумасшедший механик.

Добрый Малый Робин подошел вплотную к механизму и наклонился, разглядывая его внутренности.

– Зачем? – спросил я у Маккензи. – Он не причинил бы нам вреда.

– Кто его знает, сэр? – пожал тот плечами. – Лучше не рисковать.

В это время на плечо Маккензи вернулся ворон.

– Бетти, – прокаркал он. – Бет-т-ти.

– Он ее видел! – вскрикнул Маккензи. – Идемте, быстрее!

И первый побежал дальше по улице.

– Сюда, сэр! – закричал он из темноты.

Пружина ночи стремительно распрямилась.

Они шли среди остовов домов – Бетти и Безумный Часовщик. Бездушная кукла и чудовище, не похожее на моего друга. Эван стоял на трех конечностях, словно обезьяна, состоящая из переплетения металлических пластин и механизмов. Своей единственной человеческой рукой он сжимал ладонь Элизабет. Вторая маленькая рука-клешня держала фонарь.

– Отпусти ее! – вскрикнул Маккензи, поднимая револьвер.

Сквозь повязку на его правой руке проступило пятно крови.

– Нет! – закричал я, бросаясь к Маккензи.

Не добежать, не успеть – слишком далеко.

– Остановись!

Выстрел! Глушитель разорвался облаком пыли и дыма. Безумного Часовщика швырнуло на землю. Мне казалось, что он падал медленно, роняя части своих доспехов. Под ними почти не осталось человеческого тела. Кровью истекал сам металл.

– Нет!

Я подбежал к упавшему Эвану.

– Бетти, – сказал он.

Голос доносился словно из металлической коробки – глухой и далекий.

– У нее... в руке... Маккензи...

Что-то щелкнуло, и Эван затих.

Бетти медленно подняла руку. Я подставил ладонь, и она опустила в нее шестеренку. Я поднес деталь к глазам и, нахмурившись, посмотрел на Маккензи.

– На шестеренке твой номер, – медленно сказал я.

Маккензи, не опуская револьвер, шагнул назад.

– Она из твоей руки. Где ты поранил руку? – Я шел на него, и Маккензи пятился.

– Не подходите, сэр!

– Бетти поранила тебе руку, вырвала из нее шестеренку. Это значит, что ты врал мне с самого начала. Это ты пытался восстановить мою жену. Ты держал ее в плену. В моем доме. Может быть ты даже... Она сбежала и искала спасения. Искала меня или Эвана.

– Не подходите! Назад!

Я скинул руку с заряженным самострелом. Сидящий на плече Маккензи Гарольд бросился вперед, и стрела, предназначавшаяся моему слуге, пробила его тело. Маккензи спустил курок. Глушителя уже не было, и выстрел прозвучал очень громко вместе с болью в моей разрывающейся груди. Кажется, закричала Бетти.

Я лежал на дороге, чувствовал щекой шершавые камни, среди которых кровь смешивалась с машинным маслом. На землю опускался черный пепел. Я повернул голову.

– Простите, сэр.

Маккензи стоял надо мной, направленный мне в лицо револьвер дрожал в его руках.

– Простите.

За спиной Маккензи возник Добрый Малый Робин и перерезал ему горло шпагой.

– Вставай, сэр Джон, – сказал он мне, протягивая руку.

На этот раз я подал ему свою. Поднялся, стараясь не смотреть на дыру в своей груди, из которой торчали ошметки деталей. Где-то в глубине билось живое сердце.

Я взял Бетти за руку. Она безропотно позволила это сделать и немигающе смотрела на меня. Или сквозь меня.

– Джон, – сказала она, почти не шевеля губами.

Робин подошел к мертвому Эвану. Гибкая ветвь на его шпаге расцвела красной розой. Робин сорвал ее и уронил на тело Безумного Часовщика. Затем обернулся ко мне.

– Ты проведешь нас? – спросил я.

Робин кивнул.

Мы пошли к мосту через Грейт-Уз. Я держал Бетти за руку, и она послушно шла за мной. Как заводная кукла. Небо над Городом посветлело, но это был ложный рассвет, и вскоре снова наступила темнота.

Под мостом шевелился туман. В Городе один за другим гасли огоньки фонарей. Предрассветная луна освещала призрачную дорогу, которую я увидел очень ясно. Будто проецируемая камерой-обскурой, она выглядела миражем, сотканным из тумана и лунного света. Выходила из иных миров и вела в неведомые пространства.

– Что там, Робин? – спросил я.

– Это может узнать лишь каждый для себя, – пожал он плечами.

– Спасибо, – сказал я.

– За что? – спросил шут Оберона.

Мне показалось, что далеко-далеко на лунной дороге стоит женщина в белом платье и машет мне рукой.

– Прощай, – сказал я и, держа Бетти за руку, шагнул за черту Города.

Мы уходили по лунной дороге, и наши тела остались на мосту через Грейт-Уз грудами неподвижного металла.

Грэй Ф. Грин

Песня для наследника

(Фрагмент романа-мозаики «Кетополис: Пляска с китами» в пересказе Ирины Серебровой)

Утро для Михельке, пока что единственного сына Михеля Третьего, начинается по сигналу хитроумных часов, собранных специально для наследника придворным механиком. Держава их морская, а потому часы изображают океанское дно, населенное разными тварями. Малышом Михельке мог долго стоять, наблюдая за движением сделанных в виде морских коньков стрелок: от затонувшего пиратского корабля до огромной раковины с жемчужиной. Каждые три часа, кроме ночи, наверху открывается крышечка, откуда появляется кит, выкидывает жестяной фонтан и трубит. Раньше это казалось веселым колдовством, нынче стало неизменным сигналом к рутинным делам.

В шесть утра – подъем. Если Михельке не встает сам, то его поднимает лейб-медик, доктор Вандермеер. Седой и ловкий, пахнущий лакрицей, он слушает дыхание, считает пульс, заглядывает в рот и уши, а дважды в неделю – измеряет рост. После чего уходит, унося, как приз, свеженаполненный ночной горшок. В прошлом году Михельке мог еще лечь обратно в постель и досмотреть самые сладкие утренние сны, но теперь – не то, ему уж исполнилось восемь лет и спрос с него, как со взрослого. Поэтому в спальню наследника входит чопорный гувернер, мистер Джонс, и следит, чтобы мальчик заправил постель и отправился принимать холодную ванну.

Уступишь желанию «еще пять минуточек поспать» – будет наказание: четверть часа на мелкой гальке, на коленях, лицом к стене. Потому что король должен понимать, когда его долг выше его желаний.

Поэтому после противной холодной ванны следует утренний туалет: растертый жестким полотенцем Михельке одевается и с усилием расчесывает спутанные за ночь выющиеся белокурые волосы. Приведя себя в порядок, возносит утреннюю молитву святому Ионе, покровителю моряков и главному защитнику страны. Затем обыкновенно остается немного свободного времени до завтрака, когда наследник может или повторить уроки, или почитать какую-то из стопки одобренных для него книг. Читать Михельке очень нравится, но он чаще выбирает повторить уроки, потому что о плохом уроке мистер Джонс вечером скажет папе. И тогда, вместо того, чтобы потрепать сына по кудрявой макушке, папа высечет ему руки розгами. Самыми лучшими вишневыми прутьями, специально для наследника доставленными морем, отмоченными за все время плавания в соленой океанской воде.

И плакать нельзя, или получишь добавки – надо терпеть: если ты король и имел неблагоразумие попасть впросак, получи, что тебе причитается, и не подавай вида, что страдаешь. «Ты будешь нести ответственность за целую страну, сын, и ты еще не представляешь, как это иногда бывает трудно и больно – привыкай».

В восемь утра – завтрак. После завтрака к Михельке может зайти мама, но в последнее время все чаще он идет к ней сам: мама неважно себя чувствует. У Михельке скоро должен появиться братик или сестренка, и вот у мамы сейчас большой круглый живот, из-за которого ей тяжело ходить. Мама кладет руку Михельке на свой живот, где под шелком и кружевами что-то движется, и улыбается; мальчик рад, что она чувствует себя счастливой, хоть и огорчается из-за того, что эта улыбка адресована не ему, а куда-то внутрь. Он видит маму всего по четверть часа утром и вечером, и хотел бы, чтобы она интересовалась им, а не своим животом, но наследнику не пристало обижаться на королеву...

В девять утра трубят часовой кит, и мистер Джонс выпускает наставников для уроков. По утрам это словесность, отечественная и мировая история, история церкви с Законом Божиим и география. Михельке занимается усердно, но внутри себя ждет с нетерпением, когда кит протрубит о двенадцати часах и настанет перерыв на обед.

После обеда, к часу дня, приходят товарищи по играм. Их всего двое, и Михельке их не особенно любит. Это сын министра полиции, маленький и вечно сопливый, и племянник Канцлера. С ним вроде бы все в порядке, но Михельке почему-то кажется, что он хромает, как его дядя на знаменитой деревянной ноге; а когда он улыбается, то так похож на Канцлера с его злобной ухмылкой, что у наследника холодеет затылок. Играть с ними неинтересно: сын министра полиции все забывает и путает правила, обыграть его легко, но он тогда обижается и начинает реветь, за что губернатор корит Михельке. А племянник Канцлера, наоборот, мастер придумывать какие-то подлости, которые зовет уловками игры, так что его обойти почти невозможно. И то, и другое бывает очень обидно.

Других товарищей по играм Михельке не дают, хоть он и просил папу много раз. «Король не выбирает, с кем ему приходится иметь дело, сын. Тебе выпало родиться в королевской семье, и ты получил не только папу, маму и зависимую от тебя страну, но и свое ближайшее окружение. Нравятся они тебе или не нравятся, ты должен терпеть».

Поэтому часто бывает, что Михельке почти с облегчением дожидается трехчасового кита, зовущего к дневным урокам. Математика, естествознание, французский и немецкий языки. Наставники сменяют один другого, в шесть часов кит приглашает оторваться от учебников и перейти в зал гимнастики. В следующем году обещают добавить фехтование и даже верховую езду, о чем наследник уже мечтает: ему очень нравится один шотландский пони на конюшне. Лохматый, золотисто-рыжий и светлогривый, с такими же, как у самого Михельке, голубыми глазами. Михельке очень надеется, что папа не откажет подарить этого пони на День ангела. Но пока он только с завистью смотрит из окна гимнастического зала, как берейтор водит рыжего пони по кругу, то одного, а то и с каким-нибудь ребенком в седле.

Вернувшись с гимнастики, Михельке ужинает и оставшееся время может тратить по своему усмотрению: читать, смотреть в окно, играть в солдатики. В восемь часов приходит папа, справляется у наставника об итогах дня, затем общается с сыном и ровно через десять минут уходит. Михельке отправляется к маме, в ее душноватую, пахнущую пудрой и духами спальню. Прежде в это время она часто одевалась к балу, и наследник целовал королеве руку, тихонько трогая твердую тафту и скользкий сатин ее нарядов. Сейчас мама почти все время лежит, зато он может целовать ее нежную щеку, и даже замереть, уткнувшись в обычно недоступную ароматную ложбинку между шеей и плечом, пока мама прикасается губами к волосам Михельке. Так что, пожалуй, и в ее нынешнем положении есть кое-что хорошее.

После визита к маме остается только умыться, вознести вечерние молитвы – Деве Марии о маме и святому Ионе о стране – и с девятичасовым китом лечь спать. А в шесть утра кит протрубит новый, все такой же день. Выходных от учения нет: ведь у короля не будет возможности отдохнуть от своей страны, король с детства должен нести свое ежедневное бремя с терпением и достоинством.

Один только день в году бывает особенный: такой, которого Михельке ждет, как манны небесной. Самый лучший день, и он приближается.

День Большой Бойни, когда броненосный флот выходит в море – бить китов. Ужасные киты, грозящие благополучию страны, должны опять оказаться слабее, а флот вновь покажет свою мощь. Исходящее от китов зло отступает, и Кетополис из года в год торжествует в День Большой Бойни. В этот прекрасный, великолепный день церкви служат праздничные службы, горожане устраивают карнавал, а морские войска Его Величества проходят парадом.

Когда Михельке был маленьким, все для него ограничивалось торжественным ужином с великолепным тортом в виде кита, которого главный кондитер торжественно обливал какой-то жидкостью, поджигал, и кит загорался под радостные крики придворных. Его величество лично клал на тарелку сына кусочек окончившего гореть торта, который всегда бывал очень вкусным. Но в прошлом году праздник для Михельке не ограничился тортом: папа взял его с собой на парад: показать народу наследника и наследнику – народ.

Ах, какой это был день, какой день!.. Михельке навсегда запомнил серое предзимнее небо и серые бронированные бока королевской эскадры; это единственное, что было серым, а все остальное было ярким, праздничным! Красная ковровая дорожка раскинулась под ногами папы и Михельке, прямо к «Леди Кетонике» – огромному флагманскому броненосцу, идущему в первый боевой поход. Громко играли сияющие медью трубы оркестра, выстроились на палубах белыми рядами моряки, на берегу – синими рядами морская пехота. И папа шел и махал рукой в белой перчатке, и улыбался, а люди махали ему, и кидали цветы, и кричали что-то радостное тысячами глоток!

Следом за папой и Михельке шел Канцлер. Михельке не видел его, но даже сквозь приветственные крики слышал деревянную ногу: скрип-стук, скрип-стук. Однако это было ничего, ведь вокруг разливалось столько радости!

А потом перед ними с папой вырос боевой красавец и отдал честь. Крепкий, мощный, он стоял навытяжку и сиял белозубой улыбкой. Генерал Октавио Остенвольф, герой многих битв с атакующими город дикарями, защита и гордость Кетополиса!..

Серые, как зимнее небо и броня кораблей, глаза Остенвольфа встретились с голубыми глазами Михельке. Наследник понял, что стоит с восхищенно открытым ртом, словно глупый малыш, и смутился; но Остенвольф внезапно подмигнул ему и обратился к королю:

– Вы позволите, ваше величество?

Отстегнул кортик, встал на одно колено и вручил его Михельке. А потом – восторг такой, что чуть сердце не лопнуло!.. – крепко взял наследника, посадил его на плечо и встал. Михельке вознесся к серому небу, оказавшись выше всех, у всех над головами; выхватил кортик из ножен и взмахнул им!

– Урррааа!!! Урррурррурррааааа!!! – прокатилось от корабля к кораблю. Народ разразился криками радости, серое небо разорвали алые, синие и желтые огни фейерверков.

Михельке сидел на крепком, надежном плече генерала Остенвольфа и плакал от счастья, а все кричали ему, радовались ему, поддерживали его! Ах, как он хотел бы быть героем, как генерал Остенвольф – но ему выпала доля стать королем, как папа.

Гордый, Михельке глянул на папу, но папино лицо совсем не понравилось ему, и он, чтобы не портить счастливый миг, отвел взгляд. Но рядом с папой был Канцлер, и лицо Канцлера было еще хуже папиного. Настолько хуже, что улыбка сползла с губ Михельке, а рука с победно поднятым кортиком опустилась. Тут и Остенвольф снова встал на колено и бережно поставил наследника перед королем:

– Осмелюсь сказать, у вас прекрасный сын, ваше величество!

– Вольно, генерал, – махнул рукой папа.

Михельке боялся, что теперь будет какое-то наказание – очень уж странно смотрели на них с Остенвольфом папа и Канцлер. Но ничего так и не случилось, и теперь Михельке с дрожью предвкушения ждал парада и новой встречи с генералом. Сможет ли он снова поднять его на плече, ведь наследник за этот год порядочно подрос? И каждый скучный, одинаковый день приближал мальчика к большому, праздничному...

Шесть утра, протрубил кит. Михельке с неохотой встал, ожидая визита доктора Вандермеера. Тот отчего-то задерживался, не входил и мистер Джонс. Михельке на всякий случай подошел к окну, отодвинул, приплясывая на холодном полу, тяжелую портьеру. Во дворе

была необычная суэта: прислуга бегала туда и сюда, таскала какие-то вещи; что-то было не так.

За спиной открылась наконец дверь, но никто так и не вошел – заскрежетала вторая, редко открываемая створка. С пыхтением и топотом несколько слуг, рты которых отчего-то были замотаны тканью, протащили мимо удивленного Михельке чугунную ванну.

– А теперь прочь отсюда, быстро, быстро! – сурово распорядился доктор Вандермеер; Михельке, озадаченный всеми этими странностями, и не заметил его появления. – Несите теплую воду для наследника!

– Что происходит, мистер Джонс? – пискнул Михельке, увидев наконец гувернера. Тот, посмотрев неодобрительно на незаправленную постель, ответил чопорно:

– Во дворце чрезвычайная ситуация, ваше высочество. Если я понял верно, уроков у вас сегодня не будет. Доктор Вандермеер сейчас все нам объяснит.

– Я, а также мой коллега, второй лейб-медик Мюллер, должны оказать вам помощь, ваше высочество, – кивнул Вандермеер в сторону другого, средних лет доктора в круглых очках и с остроконечной бородкой. Он как-то заменял Вандермеера, когда тот сам был болен, припомнил Михельке. – В Кетополис пришла инфлюэнца, или русский катар – вероятно, привезли морем из Европы, где она бушует уже месяц. Тысячи погибших, страдают даже королевские династии: австрийский императорский двор потерял уже несколько членов. Вчера вечером заболевшие русским катаром обнаружили у нас во дворце.

Мистер Джонс схватился за сердце. Михельке пока не решил, страшно ему или интересно. Он заметил за спиной доктора Мюллера темноволосого мальчика, старше себя, уже подростка, который почему-то не вышел прочь из комнаты вместе со слугами. Мальчик поймал взгляд наследника и вдруг подмигнул ему.

Михельке недовольно нахмурился и отвел глаза. Что за непочтительность, да кто это вообще? Кто ему позволил входить в покои наследника, этому мальчишке?! Тем временем Вандермеер продолжал:

– Его величеством медицинскому корпусу двора поручено остановить распространение заразы, с особым вниманием к здоровью королевской фамилии. Мое непосредственное внимание будет направлено на самих короля и королеву, а доктор Мюллер возьмет на себя заботу о его высочестве. Прежде всего, его высочество нужно изолировать, чтобы свети к минимуму риск заражения – все занятия отменяются. Это касается также и вас, мистер Джонс: чем реже вы будете входить к нему, только по крайней необходимости, тем больше вероятность уберечь его высочество от русского катара.

– А это зачем?! – мистер Джонс указал подбородком в сторону ванны. Седой доктор, заглядывая в открытый по обычному знаку рот наследника так пристально, словно надеялся сегодня отыскать там морской клад, пояснил:

– Мы уже изучили свежие новости от коллег о самых прогрессивных методах лечения. Ваше высочество, в целях профилактики вам придется пить хину и антипирин, а также проводить свое время в кровати, укрытым одеялом. Трижды в день – теплая ванна, со сменой всякий раз белья. Выходить в другие помещения крайне нежелательно.

– Но как же мне помогать ему? – совсем растерялся гувернер. Вандермеер, считающий пульс наследника, кивнул Мюллеру.

– Ваша очень важная помощь будет снаружи этого помещения, – любезно пояснил второй лейб-медик, перехватывая инициативу у занятого осмотром коллеги. – Вам предстоит следить за тем, чтобы его высочеству вовремя приносили еду и воду для купания, сменяли постель и забирали горшок, причем все входящие сюда слуги должны действовать очень быстро и быть в повязках на лице: вероятно, русский катар распространяется через кашель. На случай, если что-то понадобится его высочеству, я оставляю с ним своего сына Макса. Макс, представься его высочеству и мистеру Джонсу!

Черноволосый мальчик вышел вперед, полупоклонился в сторону Михельке и гувернера. Несмотря на почтительность жеста, лицо его было лукавым. В памяти Михельке всплыл фокусник, на представление которого несколько лет назад брала наследника мама: каждый раз перед тем, как извлечь из-под цилиндра голубя, а из-за пазухи кролика, фокусник делал точно такое же смешливо-загадочное выражение лица, как этот непонятный мальчик Макс.

– Дважды в день, утром и перед сном, сюда будет приходиться доктор Вандермеер, раз в несколько часов – я. Все остальное время здесь будет мой сын. Макс будущий врач, он знает симптомы инфлюэнцы. И уже несколько дней, с тех пор как в Кетополисе стало известно о заболевших русским катаром, профилактически принимает хину с антипирином, – Макс, встретившись глазами с наследником, на этот раз изобразил мину, словно его тошнит. Видно, неприятное это дело, подумал Михельке грустно. – Мой сын будет помогать его высочеству по мере необходимости, передавать его сообщения, а если заметит неблагоприятные признаки – немедленно сообщит мне, чтобы мы вместо профилактики как можно скорее перешли к интенсивному лечению. Хоть мы и надеемся, что этого не понадобится, но безопасность наследника требует особенных мер, – закончил доктор Мюллер серьезно, поправив очки.

Макс снова подмигнул. Похоже, в ближайшие дни ему предстояло составить для Михельке все общение, заменив разом не только гувернера и учителей, но и сопливого полицайчика, и вредного канцлеренка. Быть может, не такая уж это и плохая замена, подумал Михельке и на этот раз не отвел взгляда.

Доктор Вандермеер, попрощавшись, вышел, а доктор Мюллер указал на ванну:

– Ну-с, ваше высочество! Мистер Джонс, прошу вас для первого раза помочь...

Гувернер хлопотливо и растерянно взялся стягивать с Михельке ночную рубашку.

– Я не маленький и переодеваюсь сам! – возмутился наследник.

– Ваше высочество, особые обстоятельства... – бормотал тот, дергая затрепавшую ткань.

Голого, бордового от неловкости и от боли из-за нечаянно выдранной гувернером пряди волос, Михельке отправили в ванну – слава святому Ионе, в отличие от обычного теплую. После короткого мытья Макс расторопно подал полотенце, которое тоже оказалось мягче обычного; в него наследник и завернулся, пока доктор Мюллер объяснял гувернеру:

– Ванна длится не более пяти минут, и перед помещением в нее наследника проверяйте температуру воды термометром – не менее тридцати шести и не более тридцати семи градусов по цельсиевой шкале. Сразу после ванны его высочество обтирается полотенцем, одевается в чистое белье и отправляется в постель. Смена белья всякий раз – тоже ваша забота, мистер Джонс.

Тот всплеснул руками и выбежал прочь. Доктор Мюллер, покачав головой, подобрал брошенную на пол ночную рубашку:

– Макс, будь любезен, напоминай мистеру Джонсу забирать использованное белье всякий раз, как он приносит новое – это важная часть профилактической гигиены. Позвольте откланяться, ваше высочество, я еще навещу вас сегодня.

Михельке, в одном полотенце, сел на кровать – казалось невероятным, что он сможет вновь зарыться в одеяло вместо того, чтобы погрузиться в учебники! Когда скрипнула дверь, мальчик уже был готов к тому, что войдет учитель словесности и выговорит ему – но вошел мистер Джонс. Расправив на ходу ворот свежей ночной рубашки, он тут же попытался продеть в него голову наследника, снова больно дернув за волосы.

– Я сам оденусь, мистер Джонс, да сам же! – вскрикнул Михельке.

– Инфлюэнца – очень заразная болезнь, господин, – вклинился Макс, – сейчас лучше всего никому не вступать в прямой контакт с наследником. Чтобы снизить риск заражения, в

его покои заходить следует ненадолго, а заходя – стараться не кашлять, не чихать, не дыш...
гм, – парнишка остановился, видно, поняв, что увлекся. Но мистер Джонс с таким ужасом отдернул руки и отскочил назад, что Михельке запутался в наполовину надетой рубашке.

– Простите, ваше высочество, я вас покидаю, чтобы распорядиться о завтраке, – дрожащим голосом сказал мистер Джонс, и за ним, панически скрипнув, захлопнулась дверь. Михельке, еще бившийся в кружевах чертовой ночной рубашки, услышал хихиканье – и, не выдержав, захихикал тоже. Захихикал, захрюкал, захохотал, пока не упал на кровать, как был, в сбившемся на голову белье. Это было очень необычное ощущение – смеяться вместе с кем-то. До сих пор такое случалось всего несколько раз – с мамой, понял Михельке. Да еще с генералом Остенвольфом на параде. Не так уж много у наследника поводов разделить с кем-то смех.

И Михельке обрадовался, что все так поворачивается – этот Макс, похоже, совсем неплохой мальчишка!

Завтрак, который принес тут же убежавший прочь слуга, оказался странным, как и все в этот день: несколько вареных яиц, пара апельсинов в яркой оранжевой кожуре и чай с сухарями. Повару словно некогда нынче готовить, подумал Михельке. Взял яйцо и выронил от удивления: оно было твердым.

Макс подмигнул опешившему наследнику, взял другое яйцо и стукнул им о край металлического подноса. По твердой кожуре пошли трещины, и мальчик ловко счистил поврежденную оболочку.

– Это скорлупа, ваше высочество, – сказал он, – наверное, ты никогда не видел скорлупы? То есть вы... Держи, – Макс, сияя улыбкой, протянул наследнику очищенное яйцо, и Михельке снова вспомнил давешнего фокусника. – Видимо, вас решили кормить пищей, у которой меньше вероятности подвергнуться заражению. Значит, придется чистить яйца и апельсины. Как думаешь, сухари хоть сладкие? Ой, извините, ваше высочество, все время путаюсь – вы мне кажетесь больше похожи на друга, чем на господина...

Друг?! Почему нет, подумал Михельке, откусывая яйцо и глядя на хрупающего сухариками Макса. Да, да, конечно, у короля не бывает друзей... Но он пока еще не король, а наследник. Да и вообще все сейчас не так, как всегда. Лучше, понял он с изумлением! Это вареное яйцо много лучше обычной сладкой молочной каши; сидеть в постели раздетым и есть прямо тут много лучше, чем корпеть над уроками; а общество Макса значительно приятнее, чем полицейчика и канцлеренка. И неужели нельзя себе позволить немножко дружбы, пока никто не видит и никто не знает?!

– Можешь звать меня на ты, – решил Михельке. Торопливо добавил: – Только когда нас никто не слышит, хорошо?

– Конечно, я все понимаю, – кивнул Макс. – Мне самому от отца попадет, если он услышит. Но ты мне как-то очень приглянулся, твое высочество. Я постараюсь быть тебе полезен. Следующие несколько дней для профилактики инфлюэнцы ты будешь находиться в постели. Хотя это и скучно, но это важно для твоего здоровья, а твое здоровье важно для всей страны.

– Ничего, я потерплю, – ответил Михельке. – Лежать в постели – не самое плохое занятие.

– Тем более, здесь буду я, чтобы следить за твоим самочувствием, составлять тебе компанию и приносить все, что нужно. Сейчас ты чего-нибудь хочешь? Горшок, игрушку, еще что-нибудь?

– Книжку, – попросил Михельке. – Вон из той стопки на столе. Там должна быть такая, «Принц и нищий», я ее сейчас читаю.

Свежее издание какого-то нового писателя из Северной Америки, Марка Твена, передал для королевской библиотеки их американский посол. Макс, отыскав нужную книжку, перелистал ее и хмыкнул:

– Совсем без картинок, только на обложке. А у меня дома есть графический роман с таким же названием, где картинок больше, чем слов. Интересно, там про одно и то же? Как один королевский сын поменялся местами с бедняком, похожим на него как две капли воды, и вот один остался во дворце, а второй наконец вырвался на волю...

– Похоже, да, – ответил Михельке. – С картинками, конечно, читать было бы интереснее. Но мне сейчас почти не дают книжки с картинками, только учебники. Говорят, я ведь уже не маленький.

– И я не маленький, – возразил Макс. – А графические романы очень люблю! Многие взрослые их любят, в основном они-то и покупают. Есть даже запрещенные графические романы – это же целая история, как их добывают!.. Ну, у нас-то дома их нет, – спохватился он, – так, от знакомых слышал... Но у меня графических романов много, и как по мне, они гораздо интереснее всех этих книжек без картинок! В другой раз захвачу для тебя несколько. Как тебе, кстати, «Принц и нищий»?

– Не верится мне в эту историю, – сказал честно Михельке. – Как такое возможно: просто взять и поменяться королевскому сыну с бедняком, да еще так, чтобы никто не заметил и не догадался? Во дворце за наследником постоянный надзор. Я только по ночам один остаюсь, да и то мистер Джонс за стенкой храпит. А так бы хотелось погулять одному по Кетополису, как простой мальчик, идти куда захочешь, заниматься чем хочешь...

– Ты знаешь, в Кето есть очень опасные места, куда никак нельзя ходить одному, – заметил Макс. – Разве только с надежным другом.

Михельке только собрался расспросить об этих опасных местах, как протрубил кит. Макс взглянул на часы и вздохнул:

– Пришло время нам с тобой пить антипирин и хину. Честно, это очень неприятно...

– Но я должен терпеть, потому что мое здоровье важно для страны, – закончил Михельке. – Конечно, давай сюда.

Макс, с заранее перекошенным лицом, принес две чашки.

– Ну, кто первый? Давай посчитаемся, что ли... «И выпьет жизнь и кровь твою в тумане Эрикуба...» Эй, я еще не досчитал, а ты уже выпил?

– Король должен подавать пример своим подданным, – сказал Михельке, глотая горькую слюну и стараясь не кривиться и не стошнить. – Что такое Эрикуба?

– А ты не знаешь? – оживился Макс. – Все в Кето знают. Эрикуба – это огромная, страшная белая обезьяна, которая живет в тумане у болот. Когда в Кето приходят туманы, она под их прикрытием прокрадывается из болот в город. Ночью и ранним утром, когда в тумане и на три шага вперед не видно, в Кето нельзя ходить поодиночке. Эрикуба в тумане нападает на одиноких путников, тихо придушивает их и утаскивает во мгле на болота, а потом в тумане появляются призраки. Я сам как-то видел в тумане призрака – я держался тогда за папину руку, а он проскользнул рядом и овевал меня холодом, так что у меня волосы поднялись дыбом. А потом застонал, так грустно и жутко, что у меня слезы навернулись. Папа сказал, это всего лишь собака, но неужели я не отличу собаки от призрака?! А еще один мальчик с нашей улицы...

И Макс рассказал зачарованному Михельке про мальчика, который своими глазами видел, как ужасная Эрикуба уволокла одинокого прохожего.

И про дикарей, с которыми годами сражаются доблестные морпехи, а они приходят вновь и вновь. Не иначе на болотах какое-то колдовство возрождает их и гонит на Кетополис. Они непременно колдуны, потому что пленных морпехов генерала Остенвольфа дикари

жарят и съедают, а Остенвольфу потом остается только передать матерям с почестями жареные обглоданные головы.

И про больших железных механических солдат – автоматов, которых вооружают, чтобы они воевали вместо живых. Их-то невозможно убить и съесть, можно только вывести из строя, но создавшие автоматов чудо-механики чинят их, и они встают вновь, и снова идут в битву. Опасность только в том, что автоматам все равно, с кем сражаться, и потому автомату в боевом режиме ни за что нельзя попадаться на пути.

И про противных морлоков, которые живут под землей, а по ночам выходят оттуда через подвалы, которые есть во многих домах. Хозяева не знают, что у морлоков есть ключи ко всем дверям; а некоторые знают, но молчат, потому что безопаснее делать вид, что не знаешь. И эти морлоки воруют детей и утаскивают их под землю.

И про главного морлока, который вообще не человек, а осьминог – и мозги его, страшные, зеленые, лежат отдельно в огромной банке. Но он живет и распоряжается всеми подземными жителями, и решает, что делать с краденными детьми.

И про Вивисектора, который когда-то сделал это с главным морлоком, и сделал еще много-много разного с разными людьми – такого, что и не поймешь, люди они теперь или уже нет. Один мальчик с нашей улицы своими глазами видел...

Истории шли одна за другой. Меж ними несколько раз приходили доктора – сначала папа Макса, потом доктор Вандермеер; смотрели внимательно глаза с прикрытых повязками лиц, считали пульс, мерили температуру. Слуги приносили воду для купания, обед, ужин – Михельке едва обращал внимание на их суету, переживая рассказы Макса, будто все случилось не с мальчиком с соседней улицы, а с ним самим. К ночи Михельке знал о Кетополисе столько, сколько не узнал за всю свою предыдущую жизнь.

Он и сам не понимал прежде, как же невыносимо скучно жилось ему за глухими стенами дворца!.. Мальчик догадывался, что снаружи происходит много интересного, что скрывают от него ради скучных учебных дисциплин – и вот теперь, благодаря Макс, Кетополис приблизился к нему. И завтра его новый друг придет с новыми историями, страшными и чудесными. Слава инфлюэнце!

– У меня есть для тебя большой-большой секрет, – сказал назавтра Макс, кривясь после только что выпитой вместе хины. – Поклянись, что никому никогда не расскажешь?

– Конечно, клянусь! – Михельке подался вперед и распахнул засиявшие глаза навстречу тайне.

– Доктор Вандермеер умеет кое-что делать, – сказал тихо Макс. – Если только ты захочешь, то мы с папой его попросим – и тогда он сделает тебе такую специальную штучку, чтобы ты очень хорошо слышал. Когда инфлюэнца во дворце закончится, ты уже будешь слышать, что говорят в соседней комнате, и как за закрытыми окнами дует ветер и плещет вода в канале, и как люди готовятся к карнавалу. А еще ты будешь слышать, как скрипит пол под ногами часовых, и как дышат спящие слуги. И мы с тобой сможем встречаться всегда, когда ты захочешь – все заснут, а ты тихо, как мышка, выскользнешь наружу, я буду тебя ждать. Мы будем зимой кататься на санках с уличных гор, а летом – купаться ночью в канале, и гулять по самым интересным местам, ведь ночью все всегда интереснее, чем днем, ты это знаешь?

Михельке уже забыл дышать от восторга, однако Макс продолжал:

– А потом – потом мы отправимся по самым опасным местам, ведь с твоим чудесным слухом ты будешь слышать опасность издали, и мы будем прятаться и смотреть на все самое страшное и самое опасное, чего кроме нас не видел и не увидит никто живой. А под утро вернемся в свои постели, и никто ничего не узнает, будем знать только мы с тобой.

– Разве это на самом деле возможно? – спросил Михельке с недоверием и тайной надеждой.

Макс прижал свои губы к уху наследника и сказал гулко и страшно:

– Доктор Вандермеер – ученик Вивисектора. Помни, ты поклялся, твое королевское слово должно быть свято!

– Я хочу, да, очень хочу! Если ты не врешь и не шутишь, – торопливо добавил Михельке. Он боялся, что Макс просто расхохочется, но тот сказал серьезно:

– Тогда я поговорю с папой, а папа поговорит с доктором Вандермеером. Но только завтра, а то вдруг ты передумаешь. Эрикуба, она ведь очень страшная.

– Я не передумаю! Только... зачем это доктору Вандермееру? Его ведь каз... то есть накажут, если узнают...

– Никто не узнает, – сказал твердо Макс. – Мы с тобой друзья, и я тебе доверяю. Ты пообещал мне молчать и не обманешь меня, своего друга. А зачем это доктору Вандермееру – очень просто: ты когда-нибудь вырастешь и станешь королем, и наградишь за это его и моего папу.

Этим вечером Михельке долго не мог уснуть. Он делал то, что всегда хотел, но не осмеливался прежде: встал во тьме и крадучись подобрался босиком к окну, раздвинул тяжелые складки портьер и всмотрелся в огни за дворцовой оградой. Стены дворца будто трескались вокруг него, как скорлупа вокруг цыпленка. Совсем рядом жил, дышал и волновался огромный, ужасный, прекрасный Кетополис. Где-то там, снаружи, билось сердце города – в Опере? На бульварах? В порту? Или на болотах, или в подземелье морлоков? Михельке не знал, но точно был уверен – жизнь города не во дворце. И он твердо решил узнать, и завладеть тайной Кетополиса, этого чудо-города, которым ему суждено было править. Вернувшись ворочаться в смятой горячей постели, наследник считал, сколько раз протрубит часовой кит: с каждым разом ближе утро, которое должно все изменить...

– Вы уверены, ваше высочество? – тихо спросил доктор Вандермеер за утренним осмотром. – Конечно, сейчас самое благоприятное время для такой операции – весь дворец озабочен русским катаром, и присмотр за вами целиком передан в наши руки, так что о вашем усовершенствовании никто не узнает. Когда еще выдастся такой случай – а подобные устройства с наибольшим успехом приживаются у детей, для взрослых успех сомнителен... Но вы уверены, что хотите этого, и будете скрывать ото всех, кроме меня, доктора Мюллера и Макса? Это очень серьезный шаг, его нельзя делать без обдумывания.

– Я хорошо подумал, – так же тихо ответил Михельке. – Я понял, что у меня нет никого ближе, чем Макс, и я хочу, чтобы наша дружба продолжалась. Когда мы вырастем, я назначу его своим личным лейб-медиком. Так что мы всегда будем вместе, и я так хочу, я доверяю ему.

Доктор Вандермеер испытующе поглядел на наследника, отвел взгляд и чуть заметно кивнул Максу. Затем с непонятым вздохом обратился к Михельке:

– Тогда сегодня в шесть часов вечера выпейте этот состав. Когда я к девяти приду на вечерний осмотр, вы будете уже спать медицинским сном, и я сделаю вам эту операцию. Если передумаете – просто не пейте.

Днем Макс рассказывал про веселый карнавал, который бывает накануне Большой Бойни; про то, как празднующая толпа несет цветных бумажных китов и драконов, и они движутся, будто живые; про сказочные огни фейерверков и радостную суматоху на улицах. Михельке прежде в дни карнавала видал только далекие отблески в небе, да глухие отзвуки веселья доносились до него, пока мистер Джонс не задергивал на ночь глухую штору. С новым, острым слухом открывалась возможность увидеть и услышать все самому...

А еще Макс говорил про бравых контрабандистов, которые, рискуя жизнью, привозят разные чудеса из всех стран мира, и прячут свои грузы в хитрых местах, чтобы никто не прознал. Но тот, кто слышит лучше прочих и не боится, может узнать что угодно, и доступ к сокровищам контрабандистов откроется перед ним легко.

И про Плетельщиц, которые сами слепые, но общаются друг с другом через свои плетения. У них есть целый квартал, куда ход всем, кроме них, запрещен; там всюду натянуты сети, и Плетельщицы, как паучихи, получают сигналы, если их спокойствие кто-то потревожит. Тогда они высылают свирепых охранников – но ловкий человек может тихо скрыться, узнав немало опасных секретов.

И про барбюнов, которые соревнуются, у какой семьи будет ярче и красивее карнавальная повозка, поэтому начинают делать их заранее, в глубокой тайне. Сейчас они уже наверняка начали готовиться, и мальчик с острым слухом и его друг могли бы втайне подкрасться и подсмотреть, как те ночью в своих мастерских вытачивают разные фигуры для повозок, красят их в яркие цвета, а после прячут.

Разве мог Михельке передумать?!

...Противная, белая и голая, как червяк, обезьяна Эрикуба тянула к Михельке шесть лап с десятком хватких пальцев на каждой, скалила острые желтые зубы и хохотала, как все мамыны фрейлины разом. Михельке – в одной руке сабля, в другой кортик генерала Остенвольфа – делал выпад, другой, и отрубленные лапы падали наземь, Эрикуба с визгом убежала.

...с шипением и свистом обступали Михельке морлоки: лысые, скрюченные, со злыми красными глазками. Они выжидали момент, когда Михельке отвернется – наброситься на него скопом, схватить, придушить, заткнуть рот – и унести в подземелья, чтобы там сожрать или сделать еще чего похуже. Но смелый королевский наследник не отворачивался: он громко кричал: «Прочь, проклятые морлоки, вам не место на земле!» Махал сменившим саблю факелом, грозил все тем же кортиком – и морлоки, шипя, скрывались.

...Михельке купался в канале – как же это было здорово! Совсем не то, что в тесной дворцовой ванне. А вода сверкала под солнцем, смеялась и пела, и качала и обнимала, как мама в давние-давние времена. Она была родная и теплая. Михельке махал руками и ногами, потом просто лег на воду и зажмурился, подставив лицо теплым солнечным лучам. Было так спокойно и хорошо... Но вдруг какая-то гибкая плеть схватила его за ноги, мальчик забарахтался в приступе паники. Чьи-то щупальца тянулись из темной глубины, крепко опутывали. Кальмар, проклятый кальмар!!! Михельке завопил, дернувшись, но кальмар сдавил его голову, руки, ноги; виски жгло, будто отцовскими розгами. Вода сомкнулась над мальчиком, полилась в нос, в горло – и тут что-то дернуло его вверх, а кальмар ослабил хватку. Разлепив глаза, задыхаясь, Михельке разглядел генерала Остенвольфа – тот, одной рукой держа мальчика, другой рубил кальмара. По воде расплывались темные струи кальмаровой крови, и вот уже последнее щупальце дрогнуло и оставило ногу наследника. Кальмар сгинул в темной бездне.

– Спасибо, генерал, вы спасли меня и всю страну, – еще задыхаясь, сказал Михельке. – Вы мой герой – я знал, что смогу на вас рассчитывать!

Остенвольф, помолчав, глянул стальными глазами на наследника:

– А где же твой друг, Михельке? Тот, что обещал быть с тобой и защищать тебя от всех страхов?

– Макс? Он, ну... ой... Макс! – крикнул Михельке, завертев головой. Образ генерала исчез в наплывшем из болот желтом тумане, на месте его слепилось встревоженное лицо доктора Мюллера. Губы его едва шевелились, но голос отдавался в ушах гудением басовитых соборных колоколов:

– Макса здесь нет, он... болен. А вы пришли в себя, ваше высочество?

– Не кричите, – сказал Михельке, его собственный голос тоже противно звенел в ушах, – у меня болит голова...

Всхлипнул, и все снова заволочло влажным липким туманом.

Из тумана к нему неуклюже и неотвратно шагали огромные механические фигуры. Металлические сочленения скрипели, тяжело чвакало болото под покрытыми ржавчиной

тушами. Саблей их не возьмешь, понял мальчик, и затаился в укромном месте, боясь вздохнуть. Фигуры неуклюже поворачивали головами из стороны в сторону, искали незрячими глазами его, Михельке. Надо только сжаться здесь, под кочкой, подумал он, и тогда они просто пройдут мимо, не заметив. Он же пока еще такой маленький, его от кочки и не отличишь, тем более в этом тумане.

И вдруг меж металлическими фигурами прошла человеческая, в два раза ниже. Встала неподалеку, оглядываясь. «Что же, они не опасны?» – подумал Михельке. Но болото по-прежнему стонало под месящим его металлом, и мальчику было страшно. «Кто это, и почему не боится их?» В фигуре было что-то знакомое. Вот она повернулась в сторону Михельке, и мальчик радостно встал: это был генерал Остенвольф.

– Вот я и нашел тебя, – сказал Остенвольф.

– Да, – выдохнул Михельке с облегчением, – я знал, что вы найдете и спасете меня!

Генерал сделал знак поднятой рукой, и все механические фигуры со скрипом развернулись и стали стягиваться к ним. Наследник сглотнул набежавшую хинную слюну и спросил:

– Они не опасны? Зачем вы позвали их?

– Опасны, – ласково улыбнулся Остенвольф, – а позвал я их, потому что это мои автоматы. И теперь ты наш!..

– Нет, – вскрикнул Михельке, развернулся и побежал. Туман прятал механические фигуры, но их тяжелые шаги были слышны совсем рядом. Мальчик бежал и бежал, пока кровь не зашумела в ушах, ноги заплелись, и он упал в странно мягкое и теплое болото.

Что-то мерно бухало и свистело. Михельке задержал дыхание, и свист утих; выдохнул – снова раздался свистящий хрип, а в горле заклокотало. Это я так дышу, подумал он с удивлением. Тиканье морских часов было таким громким, словно кто-то принес их с другого конца спальни и сунул наследнику под одеяло. Жестяной кит протрубил, но не стих – звуки трубы длились и длились. Кто-то играл во дворце рядом с покоями наследника? Невозможно, непозволительно. Но музыка слышалась все четче, и уже было ясно, что это не один инструмент, а несколько разных, из которых ведет то один, то другой.

Это не труба и вообще не инструмент, – понял вдруг Михельке. Это живые существа, настоящие киты. И они поют. Он сам не знал, откуда взялось это понимание, но китовая песня лилась, печальная, странная, но чем-то знакомая – и Михельке притих, зачарованный.

Вдруг в песню ворвались чьи-то приближающиеся шаги, громкий звук открывающейся двери заставил вздрогнуть, кто-то громко всхлипнул, приблизились и удалились чьи-то рыдания. В самое ухо сказали оглушающим шепотом:

– Могу выделить только пару минут... Наследник приходил в себя?

– Один раз. Посмотрите его – боюсь, он нехорош, поэтому я рискнул отвлечь вас. Что королева?

– У королевы кризис; если дотянет до утра, то выживет. Относительно плода и вовсе ничего не могу сказать.

– Как же неудачно заболел наследник, его организм сейчас ослаблен операцией...

– Мама?! Это про маму? У мамы кризис?! – сквозь боль в голове и горле просипел Михельке.

– Он слышит нас, – загремел голос доктора Мюллера, и многократно усиленный голос доктора Вандермеера ответил ему:

– Значит, операция прошла удачно, – теперь бы победить инфлюэнцу!

В рот хлынула хинная горечь, Михельке закашлялся, выплюнул все и стиснул зубы. Меж них, разжимая, сунули что-то металлическое. Мальчика вырвало, рядом началась суэта, но все померкло перед надвигающейся песней китов.

Киты пели. Они пели грозно, и громко, и жалобно, и громко, и яростно, и все громче и громче. Они пели черным и багровым, их песня вонзалась в мозг, как гарпун китобоя в

обильную морскую плоть. И он уже не мог терпеть и запел вместе с ними, и забился выброшенным на берег китенком в руках белого, как брюхо косатки, доктора Вандермеера. Сквозь разрывающее голову пение прорезались слова:

– Это конец. Всё пропало. Мы пропали.

И он понял сквозь черное и красное, что песня китов – это и есть ритм, которым живет Кетополис, и сердце города не на бульварах, не в подземелье и не в болотах, а там, где киты. Киты сами нашли наследника и завладели им, и не будет ни карнавала, ни парада с веселым и страшным генералом Остенвольфом, ни купания с Максом в городских каналах. И ни морлоки, ни автоматоны, ни Эрикуба из тумана не достигнут его, потому что все, что могло случиться с Михельке, сыном короля Михеля Третьего, уже случилось.

Майк Гелприн Механизм проклятия

Вестовой полковника нашел меня в три пополудни – в припортовой марсельской таверне, где мы с Бруно, Малышом Лекруа и Носатым Тибо заливали кальвадосом воспоминания. Человек полковника пришелся как нельзя кстати, потому что деньги у нас троих уже подходили к концу, а у Бруно их отродясь не водилось.

– Господин полковник... – начал было вестовой.

– Передай ему, – прервал Малыш Лекруа, – пускай поцелует нас в задницы. За тобой должок, Рене – за тот шмен-де-фер перед кимберлийской бойней. Гони двадцать франков и проваливай к черту.

Малыш был кругом прав. Во-первых, с окончанием бурской войны иностранный легион расформировали, так что полковнику мы больше не подчинялись. А во-вторых, Лекруа был не виноват, что ему зашла карта, как раз когда хаки решились на вылазку. Ночная атака застала нас врасплох, и рассчитаться проигравшие не успели. Двое из них остались должниками навечно – обоих наутро отпел полковой аббат.

– Господин полковник велел передать, – невозмутимо продолжил вестовой, небрежно бросив на стол монету в двадцать франков, – кое-что для лейтенанта д'Орво. Это, Баронет, тебе, – покончив с официальной частью, протянул он мне запечатанный сургучом пакет. – Утром доставили в полковую канцелярию. Налейте, что ли, черти.

Носатый Тибо разлил остатки кальвадоса на четверых, потому что Бруно не пил ничего крепче зулусского ячменного пива. Мы опростали бокалы за тех, кого зарыли под Кимберли, Ледисмитом и Блумфонтейном. Затем я сорвал печать.

В пакете были письма, первые, что я получил за последние восемь лет. Проштампованные почтовые марки на самом старом едва умещались на конверте. Я присвистнул – отправленное шесть лет назад письмо разминулось со мной множество раз. Полгода оно провалялось в Дурбане, пока я рвал хребет на натальских алмазных приисках. Затем отправилось обратно в Ренн и оттуда вместе с двумя другими – в Кейптаун. Я тогда как раз загибался от лихорадки в Йоханнесбурге, и письма вновь откочевали во Францию. В последний вояж через океан они отправились полтора года назад и промахнулись мимо меня в Ферининге, потому что я в то время помирал от сепсиса после штыковой раны в бедро и значился пропавшим без вести. Бруно выходил меня, но в расположение полка мы с ним прибыли, когда письма уже вновь поплыли на родину. Последний, четвертый конверт присоединился к собратьям с месяцем назад уже здесь, в Марселе, и, в отличие от прочих, имя отправителя на нем было мне незнакомо.

– Счастливчик ты, Баронет, – усмехнулся Малыш Лекруа, заказав круговую. – Письма... Небось, от родни, твоя милость?

– От родни, – буркнул я. – От кого же еще, будь они неладны.

Насмешливым прозвищем Баронет я был обязан своему происхождению. Мой отец, его милость барон Жан-Жак д'Орво выставил младшего отпрыска славного рода из дома, когда мне едва сравнялось восемнадцать. За последующие годы скитаний я не получил от родни ни сантима. Ненависть к отцу, мачехе и обоим братьям давно переродилась во мне в равнодушие. Я месяцами не вспоминал о них, и теперь, глядя на письма, с трудом осознавал, что отправители первых трех имеют ко мне отношение.

– Давай, вскрывай уже, Баронет, – бросил Носатый Тибо. – Может, в каком-то завалилась купюра-другая, а то и банковский чек.

Ни купюр, ни чеков в письмах не нашлось. В них нашлось нечто другое, и по сравнению с этим «другим» деньги, чеки, события восьмилетней давности и события последних лет показались мне вдруг неважными.

– Допивайте без меня, – я поднялся из-за стола после того, как добрые четверть часа сидел, переваривая прочтенное, не принимая участия в попойке, не отзываясь на оклики и не отвечая на вопросы. – Я дам знать о себе позже. Бруно, пойдем!

– Как скажешь, Барт.

С Бруно мы были неразлучны вот уже пять лет. С тех пор как я на себе вынес его, тринадцатилетнего, из пылающей после зулусского набега бревенчатой хижины. Кроме мальчишки, на ферме не уцелел никто – непокорные племена на северной границе Трансваала пощады бурским поселенцам не давали. Бруно остался со мной. Он один называл меня не Баронетом, а Бартом, потому что французским не владел и изъяснялся на африкаанс, в котором длинные слова не в чести. К восемнадцати годам Бруно вымахал в здорового малого, скуластого, белобрысого, мрачного и бесстрашного. Трижды он вытаскивал меня, уже занесшего ногу над порогом в пустоту, из которой не возвращаются. И бесчисленное количество раз, подавая мне шпагу или револьвер, подсаживая на коня или меняя присохшие к коже, задубевшие от крови бинты, говорил:

– Ничего, Барт. Пока есть я, с тобой ничего не случится.

Мы выбрались из таверны на кривую, благоухающую отбросами припортовую улицу, когда солнце уже оседлало сторожевые башни форта Сен-Николя. Гортанно покрикивал толстый зазывала у дверей сомнительного вида заведения. Суетливо запирал овощную лавку зеленщик. Вдоль фасадов таверн и кафешантанов прогуливались мрачные личности в черных ношенных сюртуках. На углу пыхтел порченый ржавчиной паромобиль с табличкой «таксомотор» на капоте. Потасканного вида мадемуазель строила глазки водителю из окна мансарды с обшарпанной лепниной под крышей. Из порта волнами накатывал густой душливый смрад – немыслимая смесь миазмов от гнилых овощей с ароматом несвежей рыбы.

Стараясь не ступить в конское яблоко, я пересек улицу, отказался от услуг вынырнувшей из дверей кафешантана грудастой девки и неспешно двинулся по направлению к кварталу Нотр-дам-дю-Мон. Там мы с Бруно ютились в душевой комнатухе на втором этаже доходного дома для бедных, снятой третьего дня за гроши, но с оплатой на неделю вперед.

Вечерние сумерки наплывали на город. Над портом поднялись в небо сторожевые аэростаты. Купаясь в последних солнечных лучах, они походили на всплывшую на морскую поверхность стаю глубинных рыб с серебристой чешуей. Улицы и переулки пустели, в окнах жилых домов заметались свечные сполохи. Здесь не было новомодного электричества, не прогуливались сытые пузатые буржуа, а редкие прохожие передвигались поспешно и суетливо, словно крались вдоль стен, стараясь держаться в темноте и наособицу. В подобных местах я чувствовал себя спокойно и уютно. Это был мой мир – мир бродяг и авантюристов, у которых ни сантима за душой, зато к поясу подвешена шпага, а дага упрятана за голенище бывалого сапога. Я ничего и никого здесь не боялся, а с сопящим в двух шагах за спиной Бруно и подавно. Холодному оружию он предпочитал револьвер и, как и подобает всякому буру, отменно стрелял из любого положения, в том числе и в полной темноте, на звук и навскидку, не целясь.

В съемной комнатухе я запалил свечи, отправил Бруно браниться с хозяином насчет ужина и перечитал письма, на этот раз внимательно и неспешно.

Первое было отправлено Маргаритой д'Орво, в девичестве Бертье. Моей мачехой. Шлюхой, из-за которой восемь лет назад отец выгнал меня из дома.

«Дорогой Этьен, – так оно начиналось. – Скорби моей нет предела...»

Моей скорби тоже не было предела, когда выяснилось, что приглашенная для преподавания латыни смазливая мамзелька, которой я задрал подол через четверть часа после начала

первого урока и которую с тех пор то и дело заваливал в сено, ночи проводит в спальне отца. Сколько раз после этого я жалел, что не заколол ее в тот день, когда объявили о помолвке.

– Ты собираешься жениться на шлюхе, – бросил я отцу в лицо вместо этого, и он, отпихнув ногой обеденный стол, вырвал из ножен клинок.

Толстый флегматичный Робер и жилистый вертлявый Антуан, мои старшие братья, и не подумали даже вмешаться. Много позже я понял почему. Отец, считавшийся одним из лучших фехтовальщиков Бретани, отправился бы на каторгу, заколов меня. Не знаю, каким чудом мне удалось отразить атаку и провести батман, но отец, огромный, кряжистый, со страшным, багровым от гнева лицом, отступил назад.

– Вон! – рявкнул он. – Вон отсюда и никогда больше не возвращайся!

Четверть часа спустя я покинул замок Орво и побрел, куда глядели глаза. Представляю, в каком разочаровании пребывали оба моих братца. Вместо наследства им досталась лишь двадцатидвухлетняя мачеха, расчетливая стервозная шлюха...

Я отогнал воспоминания и дочитал письмо. В нем сообщалось, что отец, который пошел было на поправку после раны, полученной в поединке с графом Анри де Жальером, скоропостижно скончался при крайне загадочных обстоятельствах...

Вражда между Орво и Жальерами тянулась веками. Она началась еще с тех пор, как реннский герцог пожаловал баронство роду д'Орво, поддержавшему его в войне с графом Нанта за первенство в Бретанской марке. Родовой замок новоиспеченный барон воздвиг на самой границе реннских и нантских земель. Зубцы на крепостных башнях замка Жальер по другую сторону границы из окон Орво были прекрасно видны. На протяжении добрых четырех столетий потомки обоих родов не раз уменьшали численность соседского семейства в междоусобных войнах, на поединках, а иногда и в стычках на проезжих дорогах.

Ненавидеть соседей меня, как и обоих братьев, отец учил с детства, правда, мне, в отличие от них, наука впрок не пошла. Истории о древнем семейном колдовстве, которым славились Жальеры, вызывали у меня не ярость и злость, а лишь мальчишеские зависть и любопытство. Множество раз я мечтал дать клятву, которая наверняка сбудется после моей смерти – по словам отца, Жальеры такие клятвы давали. На рыжую зеленоглазую Шарлотту, единственную дочь вдового графа Анри, я глядел в юности с невольной опаской. Кто знает, что взбредет рыжей соплюхе в голову – ее наверняка учили тому же, что и меня.

Так или иначе, поединок не стал для меня неожиданностью. Так же, как и его причина, о которой говорилось во втором письме. Начиналось оно словами «Любезный брат», от них меня немедленно затошнило. В письме новоиспеченный барон Робер д'Орво уведомлял «любезного брата» о скоропостижной, при загадочных обстоятельствах, смерти мачехи. Немалая радость по поводу этого прискорбного события легко читалась между строк. Также господин барон сообщал о дуэли, в которой отец застрелил графа де Жальер и сам получил пулю в ребра. По словам Робера, причиной дуэли была некоторая простота нравов, свойственная покойной мачехе. Я хмыкнул, поскольку с сутью этой простоты был знаком не понаслышке. В заключение братец выражал надежду, что я еще жив, и приглашал как-нибудь навестить его и вволю полюбоваться многочисленными нововведениями, которые отец затеял в родовом гнезде, но так и не довел до конца.

О нововведениях говорилось в третьем письме, где меня называли уже не любезным братом, а дорогим. Вволю налюбоваться ими барон Робер, судя по всему, не успел, потому что скоропостижно скончался при не менее загадочных обстоятельствах, чем два предыдущих покойника. Подписавший послание Антуан сетовал на одиночество и некоего шваба по фамилии Фогельзанг, превратившего замок Орво в ублюдочный гибрид от связи парового котла с угольной печью.

Последнее, четвертое письмо, пришлось мне по душе больше остальных-прочих. Без всяческих сантиментов и фальши реннский нотариус сообщал о скоропостижной кончине

барона Антуана д'Орво и вступлении мною во владение всем семейным добром по праву наследования.

– Мы с тобой стали богачами, – сказал я, когда Бруно внес в комнатушку поднос с нехитрым съестным. – Пропади я пропадом, если знаю, что теперь с этим богатством делать.

* * *

Носатый Тибо заложил в ломбарде нашейный кулон – фамильную драгоценность, доставшуюся ему от матери. Вырученных денег нам с Бруно как раз хватило на билеты на пароход до Кале. Мы сошли с трапа ранним апрельским утром, и к полудню уже прибыли в Ренн, где нотариус зачитал завещание и занял мне сотню франков в счет будущих доходов с владения. На эти деньги можно было нанять паромобиль, но пыхтение, стоны и всхлипы, которые, будто блудливая девка, издает на ходу котел, изрядно действовали мне на нервы, так что мы попросту сели в старую добрую почтовую карету. Она плыла по дорогам весенней Бретани мимо засеянных полей, мимо цветущих яростно желтым, словно растекшееся по земле солнце, зарослей дрока, мимо деревенских беленых домиков с черепичными крышами, и я впервые думал о том, что неприкаянная босяцкая жизнь золотоискателя и солдата закончилась. И о том, что причиной тому – смерти отца и обоих братьев. И что в загадочных обстоятельствах этих смертей мне еще предстоит разобраться.

Замок Жальер вырос перед нами, едва карета, одолев лесную дорогу, вынырнула из-под разлапистых ветвей на опушку.

– Стой! – крикнул я вознице. – Мы сходим.

Я долго стоял на обочине и смотрел на замок, уместившийся на невысоком холме с пологими склонами. Был Жальер древним, величественным, обнесенным каменной оградой с вычурным гербом на воротах. А потом калитка в этих воротах вдруг отворилась, и я увидел... Мне захотелось протереть глаза, потому что высокая стройная красавица с распущенными по спине золотыми волосами совсем не походила на ту рыжую соплюху, от которой я шарахался в детстве, опасаясь козней и колдовства.

– Шарлотта? – неуверенно окликнул я девушку, когда та, сбежав по извилистой, стелющейся по склону тропе, выбралась на дорогу и оказалась в двадцати шагах. – Шарлотта де Жальер?

Она сбилась с ноги и застыла на месте.

– Я не знаю вас, господа.

Что ж – и вправду было нелегко узнать соседского мальчишку из вражеского дворянского рода в загорелом до черноты головорезе в поношенном камзоле, бывалых армейских сапогах и широкополой шляпе с потертой тульей. А с учетом сопящего за моей спиной Бруно и подавно – мы больше ходили на лесных разбойников, чем на приличных людей с достатком.

– Этьен д'Орво, – представился я. – Это Бруно д'Орво, мой названный младший брат.

Шарлотта ахнула. Пару мгновений мы молча смотрели друг на друга, и этих мгновений мне хватило, чтобы понять: я, кажется, нашел ту, которую... Додумать, которую именно, я не успел.

– Господин баронет, – оборвал мои раздумья голос Шарлотты. – Вернее, уже барон. Будьте так любезны, господин барон, никогда, вы слышите, никогда не встречаться больше мне на пути. Иначе я велю слугам пристрелить вас. Теперь ступайте отсюда прочь.

Шарлотта повернулась к нам спиной и, легко взбежав по тропе, скрылась за воротами. Я выбранил себя последними, грязными словами. Это для меня дуэль между ее отцом и моим мало что значила. Это я, забывший корни бродяга, плевать хотел на древнюю вражду и

кровные узы. Для Шарлотты де Жальер я был и остался сыном убийцы ее отца. Человеком, которого надлежит ненавидеть.

– Ничего, Барт, – ухватил меня за предплечье Бруно. – Ничего. Пойдем.

Опустив голову, я побрел по усыпанной щебеночным камнем дороге прочь. Сопровождаемые угрюмыми крестьянскими взглядами, мы пересекли деревеньку Жальер, миновали церковь, за ней заросшую дроком узкую полосу ничьей земли и ступили на окраинные улицы Орво. Жители обеих деревушек традиционно недолго любили друг друга, так же, как их бывшие сюзерены, а ныне – сдающие землю в аренду работодатели.

– Вы к кому, сударь? – сдвинув шляпу на затылок, озадаченно почесал лоб случившийся навстречу папаша Жоффре, кузнец. – Ежели к его милости, то... Его милости больше нет.

Я вскинул на кузнеца взгляд.

– Я теперь и есть его милость, папаша Жоффре.

– Господин Этьен? – охнул он. – Боже милосердный, господин Этьен, это и вправду вы?! Поль, Жак, Николя, Луиза, Сюзанна, черт вас всех побери!

На крыльцо примыкающего к кузнице дома высыпало семейство Жоффре.

– Барон Этьен вернулся, – надрывался папаша, – слышите, люди?! Барон Этьен вернулся домой! Мы все молились за вас, господин барон, и бог услышал наши молитвы. Какое счастье, что вы живы. Какое счастье, что владение не уйдет с молотка. Поль, Николя, тащите вина! Нет, к чертям вино, несите коньяк, самый лучший! Я хочу выпить за здоровье его милости!

Я выпил с папашей заздравную, потом разгонную, затем еще и еще, со всеми подряд и с любым и каждым. Мне было хорошо, так хорошо, как никогда прежде. Я только теперь понял, что вернулся. Вернулся... Вернулся! Я вернулся домой.

До замка Орво Бруно меня донес на закорках.

– Ничего, Барт, – бормотал он, взбираясь по узкой винтовой лестнице. – Не волнуйся, пока есть я, с тобой ничего не случится.

* * *

Продрав наутро глаза, я спустился в гостиную и не узнал места, в котором прожил восемнадцать с довеском лет. Мрачная зала с портретами предков по стенам стала еще мрачнее за счет громоздящейся в углу уродливой латунной махины с трубами до потолка и сцепленными друг с другом зубчатыми шестернями.

– Барт, к тебе с визитом старик, – появился на пороге гостиной Бруно. – Тот, что живет в восточной пристройке. Дрянной он, этот старик, и склочный. Впустить?

Дрянного и склочного старика звали Фридрихом Фогельзангом, и через полчаса после знакомства мне уже нестерпимо хотелось отрезать ему язык или на худой конец вбить в рот кляп.

– Электричество, герр барон, есть прогресс, – безостановочно дребезжал старик. – Вы знать, кто я есть? Я есть ученый, герр барон, я учиться Венский университет, когда вы еще пачкать штаны. Механика и магический механика. Мне уже три месяц не платить деньги. Герр Антуан забывать платить и помирать. Я есть подать в суд, герр барон. Я жить здесь, пока не получать мои деньги. Я...

– Довольно! – прикрикнул на него я. – Какого черта я должен вам платить? За это? – я подскочил к уродливой махине в углу и пнул ближайшую трубу так, что она загукала, будто рассерженный филин. – Я лучше заплачу жестянщикам, чтобы они это барахло отсюда вынесли.

– Вы есть глупец, герр барон, – укоризненно покачал головой Фогельзанг. – Вы есть молод и потому много глуп. Вы знать, какой сейчас есть век? Двадцатый, герр барон, если

вы не знать. Я учиться вся моя жизнь. Герр барон Робер платить мне много деньги. Герр барон Антуан платить много деньги, когда не забывать. Я показать вам замок, герр барон. Вы много радоваться.

До полудня под непрерывный дребезжащий тенорок я обходил залу за залой и много радовался. В библиотеке по стенам висели провода и что-то жужжало из отдушин под потолком. В обеденной застыл у стены приземистый агрегат, из которого торчали по сторонам трубы, словно из ошипанного ежа иглы. Старик, беспощадно перевирая слова, объяснил, что агрегат называется механизмом, и внутри этого механизма имеются лампы, поэтому, когда он подает на стол, вокруг все сверкает и становится очень красиво. На кухне от нагромождения труб, проводов и шестерней попросту рябило в глазах. Лишь оружейная почти не изменилась, если не считать врезанного в стенную нишу и оплетенного проводами уродства с множеством отростков по бокам. Уродство походило на лохматого осьминога, но старик назвал его катушкой и объяснил, что на этой катушке, мол, все и держится, потому что электричества за просто так не бывает, и механизмы хорошо работают, когда в катушке много энергетической силы, а когда мало – работают кое-как.

Развешанные по стенам доспехи и оружие на время примирили меня со старым брюзгой. Алебарды, копья, мечи, арбалеты, шпаги, мушкеты, которыми владели мои предки, латы и шлемы, которые они носили, с детства внушали мне трепет – я кожей ощущал сопричастность тому, что происходило столетия назад. Бережно касаясь пальцами рукоятей, лезвий и гард, я двинулся вдоль стены и остановился у створчатого окна, где на своем обычном месте стоял скелет. Кому принадлежал скелет при жизни, было неизвестно – мечтающий выучиться на врача Антуан выклянчил его у знакомого гробовщика, когда я был еще ребенком. Назвал Антуан свое приобретение Жальером, так что отец, поначалу впавший при виде скелета в нешуточный гнев, расхохотался и позволил его оставить.

– Привет, Жальер, – поздоровался я и, как частенько проделывал в юности, пожал скелету костлявое запястье. – Как дела?

Жальер не ответил, и я, сопровождаемый неумолкающим стариком, спустился в сад. Электричество добралось и досюда – у ворот урчал, скрежетал и булькал отвратного вида котел, из подвалов ему вторило утробное уханье, словно там поселилось привидение. С десяток механизмов, натужно скрипя, ползали вдоль ограды, то и дело спотыкаясь, останавливаясь, вздрагивая и перемигиваясь гнойного цвета вспышками.

– Они есть сторожить, – гордо тыча в механизмы пальцем, пояснил старик. – Много надежно, очень много. Вор не входит. Разбойник не входит. Убийца...

Он внезапно осекся и смолк. Походило на то, что убийц сверхнадежные сторожа остановить не сумели. Или не захотели, подумал я, борясь с желанием наградить старика добрым пинком под зад.

До вечера я знакомился с приходящей прислугой, которая за восемь лет успела полностью смениться. Герра Фогельзанга и его творения камердинер, кухарка, садовник, конюх и горничная дружно ненавидели. Разве что экономка мадам Леду к нововведениям относилась терпимо и лишь поджимала губы, глядя на вездесущих механизмов.

На следующее утро мы с мадам Леду заперлись в библиотеке и принялись разбирать бумаги. Со слов экономки выходило, что я унаследовал весьма значительное состояние в акрах, франках, закладных, векселях и процентах. Вскорости я во всей этой галиматье изрядно запутался, а потом и вовсе взбесился от непрерывной череды цифр. Тогда я грохнул кулаком по столу, выпроводил мадам вон и решил никогда впредь не прикасаться к бумагам, если не будет на то крайней необходимости.

Ни из бумаг, ни со слов прислуги мне не удалось выяснить обстоятельства обрушившихся на семью д'Орво смертей. Поэтому на следующий день я позвонил в дверной колокольчик участка окружной жандармерии.

Капитан жандармерии Куапель человеком оказался свойским и понимающим. Служебными обязанностями он явно обременен не был, так что из участка мы вскоре перекочевали в трактир, распили бутылку сотерна, перешли на «ты» и разговорились.

Однажды вечером барон Жан-Жак д'Орво застал свою супругу в обществе графа де Жальера при обстоятельствах, близких к ин флагаганти. Наутро мужчины встретились в уединенном месте, откуда обоих унесли на носилках. Граф на следующий же день скончался. Мой отец два месяца пролежал в постели под присмотром сиделок, затем пошел на поправку. Мачеху он, по всей видимости, простил – она и нашла его однажды утром лежащим навзничь на пороге гостиной. Врач определил смерть от разрыва сердца, наступившую в результате сильного потрясения. Что именно вызвало потрясение, выяснить не удалось.

– Я знал твоего отца, Этьен, – капитан разлил вино по бокалам, – он был сильным человеком и мужественным. Не представляю, что могло напугать его до смерти.

– Убийство исключено? – спросил я.

– В случае с твоим отцом – полностью. А вот жену его, Маргариту – ее убили.

Через полгода после смерти барона вернувшийся январским утром из загородной поездки Робер обнаружил Маргариту д'Орво в постели задушенной.

– Никаких следов, – развел руками Куапель. – Ничего. В доме Маргарита была одна. Твои братья находились в отлучке, у прислуги абсолютное алиби. Сумасшедший старик-шваб клялся, что адские создания, которых он наплодил, не пропустят вовнутрь чужака. Да и сыщики это подтверждают – посторонних следов обнаружено не было. По версии сыска злоумышленник проник в замок загодя, дождался, когда уйдут слуги, и потом... Но вот куда делся убийца после того, как задушил твою мачеху – это вопрос. Предположительно скрылся, когда поднялась суета, хотя как ему это удалось, сыщики объяснить не сумели.

Робер д'Орво пережил мачеху на два года. Его, как и отца, нашли мертвым в гостиной зале. Врачебный диагноз совпадал также – смерть от сильного потрясения. Однако в отличие от отца, Робер не умер на месте, поза мертвеца свидетельствовала о том, что он пытался спастись, убежать от смертельной опасности.

– Никто ничего не видел и не слышал, Этьен, – капитан вновь разлил по бокалам. – Ночью была гроза, гремело так, что можно было оглохнуть. Твой брат Антуан находился в соседней спальне, он свидетельствует...

– А может... – прервал я капитана. – Может быть, сам Антуан и убил?

– Исключено, – махнул рукой Куапель. – Следов насилия на теле Робера не обнаружено. Теоретически младший брат мог, конечно, испугать старшего до смерти, но на практике вряд ли он сумел бы это проделать. Хотя гроза, молнии... Кстати, гроза была и в ту ночь, когда умер ваш отец. И в ночь, когда убили Антуана – тоже.

Антуан д'Орво, видимо, напуганный предыдущими смертями, в семейном замке ночевал редко. Накануне убийства он оказался там потому, что привел с собой девушку, на которой собирался жениться. Она и нашла его наутро в оружейной, зарубленного. Убийца воспользовался висящим на стене двуручным мечом, которым владел один из моих предков. Лезвие меча раскроило Антуану череп, да так и осталось в теле, застряв в плечевой кости.

– Нет-нет, девушка ни при чем, Этьен, – опередил мой вопрос капитан. – Ей этот меч и не поднять вовсе. Однако в замке, кроме них двоих, никого не было. У прислуги алиби, посторонние внутрь ограды не проникали. В общем, та же история, что и с твоей мачехой. Разве что грозы в ночь ее убийства не было.

– Понятно, – протянул я. – Скажи, а Жальеры не могут иметь отношение ко всему этому?

Капитан невесело улыбнулся.

– О семейной вражде я слышан, – сказал он. – Жальеры... От всего рода осталась одна Шарлотта. Каким образом, по-твоему, она может быть причастна? Бедная девочка

живет одна. По слухам, она в крайне стесненных обстоятельствах после смерти отца. Ты бы посмотрел на того господинчика, который к ней сватается.

– Что за господинчик?

– Некий Лапорт из Кале, тот еще тип, охотник за графским титулом. Денежный мешок с разбойничьей рожей, нажил состояние на подпольных тотализаторах. Его много раз хотели закрыть, только не вышло – изворотливый, как змея. Не дает Шарлотте проходу – ездит в Жальер едва ли не каждый день в сопровождении пары молодчиков, по которым давно истосковалась гильотина.

Следующие несколько недель я немало размышлял над тем, что услышал от капитана. Ни к чему размышления мои не привели. Таинственных убийц я не боялся, к тому же, у меня был Бруно, с которым никакие убийцы не страшны. Но размеренная унылая жизнь и сытое безделье явно были не по мне. Я тяготился неожиданно свалившимся на меня достатком. Я не находил себе места в мрачных старинных залах и спальнях, и даже электричество и механизмы герра Фогельзанга, к которым я притерпелся, а потом и привык, не сильно скрашивали однообразную каждодневную скуку.

Продать все, не раз думал я. Уехать в Индию, может быть, в Персию. Или обратно в Южную Африку, на родину названного брата. Жить там простой, не обремененной условностями жизнью. Путешествовать, охотиться. Возможно, воевать.

Я не мог решиться на это. И потому, что не мог бросить на милость нового землевладельца семейство папаша Жоффре и шесть дюжин других крестьянских семей. А в основном потому, что в полудне пешей ходьбы стоял на невысоком холме замок Жальер, в котором жила Шарлотта. Она снилась мне по ночам и грезилась наяву. Стройная, зеленоглазая, с распущенными золотыми волосами.

Шарлотта де Жальер... Гордая, как и подобает девушке графского рода. Ненавидящая меня, как и подобает женщине рода Жальер. Велевшая не попадаться на ее пути, если не хочу нарваться на пулю.

Я потерял аппетит и сон. Стал наткаться на стены и однажды едва не свалился с лестницы, промахнувшись ногой мимо верхней ступени. Трое суток подряд я пропьянствовал в Орво с крестьянами, но алкоголь перестал меня брать и забвения не дарил. Я мучился желанием хотя бы увидеть Шарлотту, хотя бы просто посмотреть на нее, это превратилось для меня в навязчивую идею.

– Бруно! – крикнул я, когда терпеть стало больше не могу. – Вели седлать коней. Мы отправляемся с визитом.

– Хорошо, Барт. Куда отправляемся?

– Туда, где нас, возможно, застрелят.

– Хорошо, Барт.

К подножию холма, на котором стоял Жальер, притулился новый, с иголки, паромобиль. Два дюжих молодчика при виде нас вылезли из салона наружу и замерли, облокотившись на капот.

Я соскочил с коня, бросил поводья Бруно, взлетел по извилистой тропе и заколотил кулаком в ворота.

– Что вам угодно, сударь? – отозвался мужской голос по другую их сторону.

– Мне угодно видеть графиню де Жальер. Прямо сейчас.

– У графини гость, сударь.

– Мне наплевать. Передайте ей...

Договорить я не успел. Створки ворот приоткрылись, и в образовавшемся зазоре я увидел шагающего ко мне по садовой дорожке усатого брюнета в котелке и черном сюртуке с белой розой в петлице. Брюнет помахивал тростью, наверняка скрывающей клинок. Он остановился в пяти шагах, глядя на меня надменно, с прищуром, будто оценивая, чего я стою.

– Ты кто таков? – спросил он, так, видимо, и не составив мнения.

В этот момент из дверей замка выбежала Шарлотта и застыла, прикрыв рукой рот и глядя на нас.

– Я спросил, кто ты таков.

– Не твое дело, ублюдок, – машинально ответил я, не в силах оторвать от Шарлотты замороженного взгляда.

– Что ты сказал, щенок?

Я тряхнул головой и пришел в себя.

– Сказал, что кто я такой, не твое дело, пес, – моя ладонь метнулась к эфесу шпаги.

– Не здесь! – резко бросил он. – Спустимся вниз, сопляк.

Я развернулся и, стиснув зубы, широко зашагал по тропе. Я не видел, как Лапорт за моей спиной подал знак. Я успел лишь заметить вскинутый навстречу мне ствол, а в следующий миг началась стычка. Бруно, изогнувшись в седле, выстрелил, револьвер вылетел у целившегося в меня молодчика из ладони. Второй отскочил в сторону и пал на одно колено, в каждой руке у него было по стволу, он выпалил из обоих разом, но мгновением раньше Бруно поднял жеребца на дыбы. Конь, грудью приняв предназначенные седоку пули, завалился на круп. Бруно соскочил, перекатился в падении и оказался в двух шагах от стрелка. Страшный прямой в лицо швырнул того на землю, и Бруно бросился на второго. В этот момент я уловил движение за спиной, развернулся, выдернул шпагу и чудом успел отразить летящее в лицо острие. Шатнулся в сторону и рубанул наотмашь.

Удар пришелся Лапорту по плечу. Трость выпала у него из руки, хлестанувшая из раны кровь перекрасила белую розу в петлице в алую. Лапорт тяжело осел на тропу, глядя на меня снизу вверх, надменности в его взгляде больше не было.

– Еще раз увижу – убью, – пообещал я. – Ты понял?

Я спустился вниз на дорогу и эфесом шпаги высадил у паромобилия лобовое стекло. От души заехал ногой в живот корчащемуся у переднего колеса молодчику, который в меня целился, и обернулся к Бруно.

– Неплохо ты их, – сказал я. – Этот запросто мог бы меня пристрелить.

– Не мог бы, Барт. Пока есть я, с тобой ничего не случится.

* * *

Бруно убили неделю спустя, майской ночью, в грозу.

Я вскинулся на постели, вскочил, отчаянно пытаюсь удержать ухом звук, вторгшийся в сон между двумя громовыми раскатами. Потом бросился вниз по лестнице, уже понимая, зная уже, что это был за звук. Бруно с револьвером в руке лежал навзничь на пороге библиотеки. Я подскочил к стене, рванул на себя похожий на птичий клюв рычаг, под потолком вспыхнули электрические лампы. Бруно был мертв, арбалетная стрела пробила ему переносицу. Я подхватил револьвер, метнулся из библиотеки в гостиную, оттуда в оружейную. Нигде не было ни души, лишь стоял у створчатого окна, скалясь мне в лицо, дурацкий скелет по прозвищу Жальер.

С четверть часа я метался по замку, затем вернулся к тому месту, где лежал названный брат. Рядом с ним я просидел до утра, пока нас не нашла прислуга. Не помню, что было потом. Жандармы, врачи, бормочущий нескладные слова утешения папаша Жоффре. Пришел в себя я лишь к вечеру.

– Пока я есть, с тобой ничего не случится, – вслух повторил я слова покойного брата.

Бруно больше нет, осознал я. Теперь моя очередь. Невидимый убийца расправится со мной так же, как с моими предшественниками. Он и вчера приходил за мной, и прикончил бы меня, не будь Бруно.

Продать все и уехать, навязчиво билась в висках единственно верная, спасительная мысль. Собрав волю, я отмел ее, отринул. Я знал, что никуда не уеду до тех пор, пока не поквитаюсь с тем, кто преследует мой род, или пока он не сквитается со мной.

На следующее утро в Орво пришла Шарлотта.

– Графиня де Жальер, – доложил камердинер.

Я вскочил, метнулся вниз по лестнице в сад. Застыл на пороге, глядя на стоящую у крыльца Шарлотту.

– Вы, – промямлил я. – Вы...

– Барон Этьен, – мягко сказала она, потупившись. – Вам следует уехать отсюда. Немедленно, не теряя времени.

– Почему? – подался к ней я. – Почему я должен уехать?

– Если вы останетесь, мой отец убьет вас.

Я ужаснулся, решив, что Шарлотта повредилась умом.

– Ваш отец? – повторил я участливо. – Полноте, ваш отец мертв.

– Он умер. Но за три часа до смерти дал клятву Жальеров, ту, что всегда сбывается. Передо мной и вашей мачехой отец поклялся известить мужчин баронского рода д'Орво, всех, под корень. Он почти сдержал клятву. Вы – последний.

– Шарлотта, – пролепетал я. – Шарлотта, умоляю вас. Граф Анри де Жальер не может сдерживать никакой клятвы. Он умер, мой отец убил его в поединке. Я сожалею об этом, но...

Шарлотта вскинула на меня взгляд.

– Барон Этьен, прошу вас, уезжайте. Вам не избежать мести моего отца, но вы можете отдалить ее. Здесь вы обречены.

Она повернулась и по садовой дорожке заспешила прочь. Я ошарашенно смотрел ей вслед. Затем рванулся, в десяток прыжков догнал и заступил дорогу.

– Что случилось между моим отцом и вашим? – твердо спросил я. – Прошу вас, ответьте, и я не стану больше вам докучать.

Шарлотта отвела взгляд.

– Что ж... Маргарита д'Орво вступила с моим отцом в связь. Она уговаривала его помочь ей избавиться от мужа, чтобы завладеть наследством. Отец был влюблен в нее, но нашел в себе силы отказать. Тогда ваша мачеха устроила так, что барон застал ее наедине с любовником. Остальное вы знаете. Но есть еще кое-что. Однажды, когда ваша мачеха была еще жива, ко мне приходил человек. Он предлагал огромные деньги, если я соглашусь наложить на Маргариту заклятье Жальеров.

– Вы? – опешил я. – Так это вы ее...

Шарлотта грустно улыбнулась.

– Вы ошибаетесь, барон, – проговорила она. – Я отказалась. Теперь прощайте. Я благодарна вам за то, что вы неделю назад сделали для меня.

* * *

Следующие трое суток я провел взаперти, пытаюсь разобраться в том, что произошло. Одну за другой я строил догадки и выдвигал версии, одну за другой их отметал. Шарлотте я поверил, поверил безоговорочно. Но разобраться в фатальной цепочке смертей оказался не в силах.

Догадка забрезжила у меня в голове наутро четвертого дня. «Мой отец убьет вас», – сказала Шарлотта. Но граф Анри де Жальер мертв и, следовательно, сделать этого не может. Однако с чего я взял, что он и на самом деле мертв?

Я вскочил с кресла и заходил по гостиной. В смерти графа были уверены все, с кем я до сих пор имел дело, включая его собственную дочь и капитана жандармерии. Но если предположить, что Анри де Жальер жив, тогда...

Тогда тоже ничего не выходит, осадил себя я. Пробраться незамеченным в замок и совершить пять убийств не под силу ни живому, ни мертвому. Хотя почему, собственно, пять? Маргариту д'Орво явно задушил кто-то иной, не тот, что расправился с прочими и теперь готовится прикончить меня. Шарлотта сказала, что к ней приходил некто и предлагал деньги в обмен на заклятье. Этот некто явно не тот, кто умертвил остальных. То есть, по словам той же Шарлотты, не граф де Жальер, покоящийся сейчас на кладбище.

На кладбище, задумчиво повторил я. Если предположить, что граф жив, то в могиле его нет.

Часом позже я растолкал в кладбищенской сторожке гробовщика.

– Хочешь заработать, приятель? – предложил я.

– Заработать любой не прочь, – уклончиво ответил он. – Все зависит от того, сколько платят, и что надо делать за эти деньги.

– Сущие пустяки. Плачу пять тысяч франков, если разроешь одну могилу и покажешь мне, кто или что там лежит.

Гробовщик истоиво закивал.

– Конечно, сударь. Разумеется. За такие деньги я готов разрыть десяток могил. Какая именно вас интересует?

– Та, в которой лежит граф Анри де Жальер.

Гробовщик отпрянул, затем в страхе уставился на меня.

– Вы что же, сударь, – пролепетал он. – Вы были с ней заодно?

Я ухватил его за грудки.

– С кем заодно? Говори, ну!

Через пять минут я, ошеломленный и ошарашенный, покинул сторожку. Могилу не было нужды раскапывать – она пустовала. Шесть лет назад меня опередили. Маргарита д'Орво заплатила гробовщику за эксгумацию тела графа, от которого остались к тому времени одни кости.

Какого черта, раз за разом пытался сообразить я. Мачеха украдкой изымает останки. Она же присутствует при предсмертной клятве покойного. Вскорости от разрыва сердца умирает мой отец. Получается, что эти три события связаны. Только как?

Я чувствовал, что разгадка близка. И только теперь осознал, что Шарлотта права – я в смертельной опасности. Кто бы за этим всем ни стоял – я следующий. Усилием воли подавив желание срочно бежать отсюда куда подальше, я дал телеграмму в Марсель. Адресована она была Иву Лекруа и Эжену Тибо. Содержание телеграммы уложилось в два слова: «немедленно приезжайте». Кем бы ни был убийца, ему теперь предстояло иметь дело с тремя, каждый из которых не раз чудом разминулся с костлявой.

Допустим, чтобы клятва исполнилась, покойника из могилы надо извлечь, рассуждал я, шагая от телеграфной станции к замку Орво. Вопрос – зачем? Зачем извлекают покойников из могилы? Не для того же, чтобы оживить.

Внезапное прозрение садануло меня по сердцу и перехватило дыхание. С минуту я стоял недвижно на ставших вдруг ватными ногах. Затем побежал. Старик Фогельзанг, отдуваясь, пил чай у себя в пристройке. Я ухватил его за тощее предплечье и выволок наружу.

– Кто тебя нанял? – рявкнул я на старого механика. – Кто, спрашиваю, выписал тебя из твоей Австро-Венгрии или откуда ты там и привез сюда?

– Вы есть идиот, герр барон? – скривил дряблые губы старик. – Вы не умеете задавать вопрос. Я не отвечать.

– Извините, – выдохнул я. – Скажите, это баронесса д'Орво нашла вас?

– Да, – гордо кивнул старик. – Теперь вы уметь спрашивать. Я иметь честь служить баронесса.

– Что находится под полом оружейной?

– Вы знать, герр барон? – удивленно заломил бровь старик. – Откуда вы знать?

– Не имеет значения. Я спрашиваю, что там.

– Там есть провода. Много провода. Они идти от катушка к другой механизмус.

– Этот механизмус ловит молнии, так?

– Вы есть глуп, герр барон. Много глуп. Молния нельзя ловить. Можно превращать сила. Свет молния есть энергетический сила, вы понимать?

– Теперь понимать, – сказал я устало. – Теперь я много понимать, старая сволочь. Ты что же, видел, что рядом с тобой убивают людей, и молчал?

Старик распрямил узкие костлявые плечи.

– Это не есть мой дело, – сказал он. – Мой дело есть работать за деньги. Вы знать, кто я есть? Я есть лучший мастер Европа. Магический механика, герр барон. Я учиться Венский университет. Механизмус превращать светлый энергетический сила в темный, вы понимать? Свет превращать в тьма. Я есть...

Я не дослушал. Плюнул старику под ноги и отправился в оружейную.

Скелет стоял на прежнем месте – у створчатого окна. Я внимательно осмотрел его, нашел выбоину в груди, которую оставила пуля Бруно. Отступил на шаг. Покойный Антуан назвал скелета Жальером. Что ж – он как в воду глядел.

– Приветствую вас, граф Анри, – сказал я скелету. – Жаль, вы не можете сейчас меня слышать. Другое дело гроза, не так ли? Увы, грозы вы здесь не дождетесь. Я распоряжусь – вас сегодня же отнесут обратно на кладбище.

Мне хотелось сорвать со стены ближайшую алебарду и разрубить, раскрошить эти кости. Вместо этого я подбил ботинком ступни скелета, плюнул в щерящийся проводами механизмус и пошел прочь.

Маргарита д'Орво подменила человеческий костяк. Безымянного бродягу по кличке Жальер сменил Жальер настоящий. Одержимый клятвой, которая посмертно сбывается. Маргарита выписала из Вены чудаковатого старика, и тот довел задуманное ею до конца. Свет молнии становился смертельной тьмой, стоило только заполнить механизмус энергетической силой.

Не мудрено, что отец и Робер умерли на месте от ужаса, увидев оживший кошмар. Антуан и Бруно нашли в себе силы сопротивляться, и возродившийся на считанные минуты к жизни покойник убил их тем, что попалось под руку, после чего спокойно занял обычное место у окна.

Обессиленный, я добрел до спальни и повалился в постель. Ночь прошла без сновидений, а наутро я велел подседлать коня.

– Барон Этьен д'Орво с визитом, – заколотил я кулаками в ворота, врезанные в ограду замка Жальер. – Я хочу видеть графиню.

Шарлотта встречала меня в дверях, так же, как я ее каких-то пять дней назад.

– Человек, который приходил к вам, сударыня, был моим братом? – спросил я вместо приветствия.

Шарлотта кивнула. Последняя деталь кровавой мозаики встала на место. Робер, не добившись от Шарлотты согласия на заклятие, решил рискнуть. По-видимому, он спрятался в каком-либо укромном уголке замка. Ночью выбрался из укрытия и задушил ненавистную мачеху. Затем имитировал возвращение из загородной поездки. Дело сладилось – Робер получил наследство и титул, но он не знал, что в оружейной зале ждет своего часа припасенная для него покойной мачехой смерть.

– Барон Этьен...

Я вскинул на Шарлотту взгляд.

– Я не стал глумиться над останками вашего отца, – сказал я. – Во мне нет к нему ненависти.

– Благодарю вас.

Я стоял и смотрел на нее. Зеленоглазую, золотоволосую, гордую. Я чувствовал себя так, словно вместе с останками графа похоронил нечто другое – возможно, самое дорогое и ценное для меня.

– Прощайте, – сказал я и двинулся к воротам.

– Постойте же!

Я обернулся через плечо.

– Этьен, клятвы Жальеров всегда сбываются. Вы получили всего лишь отсрочку. Пока последний мужчина рода д'Орво жив, клятва остается в силе.

Я криво усмехнулся.

– Что ж, меня это устраивает.

– Вы уверены, барон? Вы могли бы... – Шарлотта вдруг покраснела. – Могли бы сменить фамилию.

Я медленно отрицательно покачал головой. За восемь лет скитаний я в грош не ставил семью и родовой титул. Но теперь...

– Никогда, – сказал я. – Меня зовут его милость барон Этьен Д'Орво. Закончим на этом.

Я спустился с холма на дорогу и вскочил в седло. От леса, нещадно пыхтя, катился выдавший виды паромобиль. В паре десятков шагов от меня он остановился. Малыш Лекруа и Носатый Тибо выскочили на дорогу.

– Ты живой, Баронет? – подбежал ко мне Малыш. – Слава богу! Мы уж думали...

– Живой, – признал я, спешившись. – Вернее, пока живой. Только уже не баронет, а барон, как вам это нравится, парни? Мне тут посоветовали сменить фамилию, чтобы уцелеть, – я обернулся к замку и вдруг увидел замершую в воротах Шарлотту. – Сменить фамилию, – повторил я растерянно. – Посоветовали. Мне. Только что.

– Что с тобой, Баронет? – обеспокоенно заглянул мне в глаза Носатый Тибо. – Мы думали, тебя уже нет на свете. Спешили так, что черти бы не угнались. И, выходит, все равно опоздали?

– Нет, – пробормотал я, не отрывая от Шарлотты взгляда. – Мне сейчас кажется, вы приехали как раз вовремя. Возможно, мне и в самом деле надо сменить фамилию. Видите ту девушку? Это она посоветовала. Я, правда, не знаю, верно ли ее понял. Но вдруг... Вдруг верно? Нам тогда понадобятся два свидетеля на церковной церемонии.

Вячеслав Бакулин Андромеда для андромеха

Ире и Антону

*В безбрежности неба,
в бескрайности ясной пустыни
Сражались лишь птицы
и гибли лишь птицы донныне.*

*«Песнь о Нестерове»
(журнал «Искры». № 35. Сентябрь 1914 г.)*

– Это просто возмутительно, сэр.

Густые брови сэра Уильяма Фрэнсиса Кларенса Гастингса, 15-го графа Хантингдона и Пятого Морского лорда¹ Адмиралтейства, изумленно ползут вверх. Он даже подается вперед, привстав с кресла и упершись обеими руками в палисандровую столешницу. Для Его лордства, славящегося невозмутимостью и выдержкой в любой ситуации («Когда при Ватерлоо одному из генералов Веллингтона вражеское ядро оторвало ногу, и герцог воскликнул: «Мой бог, сэр, да у вас, кажется, нет ноги!», тот ответил: «Увы, сэр, боюсь, что вы правы!» И лишь потом этот истинный образец офицера и джентльмена позволил себе упасть с лошади и потерять сознание!»), – поведение неслыханное.

– Милорд, я сожалею, если что-либо сказанное или сделанное мною...

– Не извольте перебивать, сэр.

Разумеется, сэр Уильям не повышает голоса. Букингемский дворец или заваленные трупами поле боя, горечь поражения или триумф победы – тон его одинаково ровен. Только вот от этого спокойствия порой веет полярным холодом, а взгляд лорда бывает тяжел, словно паровой молот.

– Итак, правильно ли я вас понял. Находясь в отпуске, вы отдыхали во Французской Северной Африке?

– Не совсем так, милорд. В соответствии с приказом Адмиралтейства я совершал экспериментальный беспосадочный перелет с Сицилии в Тунис.

В глазах цвета дуврских волн мелькает тень интереса:

– Вот как? «Бристоль Скаут», я полагаю?

– Так точно, милорд. Цельнодеревянный одностоечный биплан с тянущим винтом. Ротативный мотор «Гном» мощностью восемьдесят лошадиных сил.

– Благодарю, я помню. И что же, приказ был отдан непосредственно вам?

– Никак нет, милорд. Я вызвался добровольцем и действовал инкогнито. Под видом британского спортсмена-любителя – состоятельного и немного эксцентричного.

– Надо полагать. Сомневаюсь, чтобы член Тройственного союза позволил офицеру Антанты подобные эксперименты. Даже если учесть итальянскую осторожность и то, что этот офицер – британец².

– Вы совершенно правы, милорд.

¹ Начальник Королевской военно-морской авиаслужбы Великобритании.

² Италия, не способная противостоять военному флоту Великобритании, официально уведомила Германию и Австро-Венгрию об отказе в военной помощи союзникам в случае английской агрессии.

Пальцы сэра Уильяма выбивают короткую дробь по лежащей перед ним кожаной папке с документами. Взгляд скользит по батальному полотну кисти Кармайкла³ на стене и вновь возвращается к собеседнику.

– Продолжайте.

– Слушаюсь, милорд. Полет прошел успешно, но при посадке мой аэроплан получил повреждение.

– Это произошло вследствие вашей ошибки?

– Никак нет, милорд. Вследствие особенностей ландшафта. Занесенный песком камень, милорд.

– Положим. Дальше.

– Кроме того, уже на земле обнаружилось еще несколько проблем, требующих устранения перед продолжением полета, а именно...

Сэр Уильям недовольно поджимает губы.

– Избавьте меня от технических деталей, сэр. Если я пожелаю подробностей, то запрошу ваш официальный отчет. Я уже понял, что вам понадобился авиатехник.

– Совершенно верно, милорд. А также врач.

* * *

«Только бы не разрыв связок! Только не это!» – умоляет небеса молодой человек. Увы, пронзительно-голубая высь, кое-где украшенная невесомым безе облаков, безмолвствует, зато левая нога напоминает о себе все настойчивее. Кроме того, сержант, откомандированный в сопровождающие «британскому спортсмену» комендантом французской крепости-порта Ла-Гулетта, отличается просто феноменальной болтливостью.

– Должно быть, дьявольски сильно она вас донимает, а? – уже в третий раз за последние два часа интересуется он с бесцеремонностью, присущей всем южанам, а южанам-французам – вдвойне. После чего кивает на пострадавшую конечность британца, со всем возможным комфортом устроенную на подушке. – Вон вы как побледнели... Да уж, не вовремя наш дядюшка Пьер свалился с лихорадкой. Он бы в два счета разобрался с вывихом, или что там у вас... Ну ничего, дружище, потерпите еще чуточку. Недолго осталось. Правда, Сугейб?

Туземный солдат, правящий повозкой, к счастью, является полной противоположностью начальнику и лишь молча кивает, сверкая белозубой улыбкой на загорелом дочерна лице.

– Майор Фонтэн говорит: «Дантес!..» Читали Дюма, а? «Граф Монте-Кристо»? Эдмона Дантеса помните? Тоже марселец, между прочим! Пустяк, а приятно... Так о чем я? Да! «Дантес! – говорит майор Фонтэн. – Ты ведь всех в округе знаешь, верно? Нашему британскому гостю нужен самый лучший доктор, а его аэроплану – и как вам только не страшно по небу-то, а? Я бы ни в жисть! – а его аэроплану – самый лучший техник. И быстро». «Будет исполнено, мой майор! – отвечаю я. – Уже бегу, мой майор. Доктор для человека, доктор для “птички”».

Англичанин вновь изображает вежливую улыбку, мысленно проклиная себя за знание французского языка и с тоской разглядывая очередную пальму. Увы, пальма точно такая же, как и все прочие, встретившиеся им по дороге. А было их немало. Толстая или тонкая, высокая или низкая – вот и вся палитра различий. Британец к этому моменту вряд ли может сказать определенно, что осточертело ему больше – эти пальмы или сержант Дантес. Пальмы, по крайней мере, не разговаривают.

³ Джон Уилсон Кармайкл (1800–1868) – британский художник-маринист.

– «Быстро», – говорит майор Фонтэн, – и я начинаю думать. А потом хлопаю себя по лбу – вот так, будто комара давлю – и говорю что, а? Не знаете? Ну а ты, Сугейб? Помнишь, что я тогда сказал?

Солдат, даже не поворачивая головы, пожимает плечами, что можно понять и как утверждение, и как отрицание. Впрочем, сержанту, кажется, его ответ совершенно неважен.

– Вот именно! «Сугейб!» – говорю. – Я – гений. Нам нужно два первоклассных доктора сразу, и нужно быстро. Ничего себе задачка, а? Но я ее решил. Так что запрягай, *mon cher* Сугейб, и едем к мсье Кэмпбелу. Да-да, Александру Кэмпбелу! Тем более что наш гость – англичанин, и мсье Кэмпбел тоже...»

– Шотландец, – не выдерживает пилот. И, видя явную растерянность на лице сержанта, с недостойным джентльмена злорадством уточняет: – Судя по имени, стопроцентный «scoit»⁴.

– Э-э?

– Одно из самых страшных оскорблений в устах моего отца. Так у нас называют людей, говорящих по-английски с шотландским акцентом.

Дантес, почесав за ухом, начинает было про «Англия, Шотландия, какая разница-то, а?», но мстительный британец тем же тоном произносит: «В самом деле? Очень может быть. Я слышал, что и Франция ничем не отличается от Фландрии...» – и до конца пути наслаждается тишиной да сердитым сопением обиженного сержанта. Откидывается на сиденье, прикрыв глаза, и оказывается совершенно не готов к тому, что увидит.

Покрытая пятнами масла и ржавчины рабочая одежда. Несомненно, мужская, но подогнана под гибкую фигурку так, чтобы не сковывать движений и одновременно не давать слишком уж разгуляться откровенным взглядам посторонних, случись таковые поблизости.

Тяжелый гаечный ключ, небрежно сжимаемый в левой руке. Длинные пальцы с чернотой, намертво въевшейся в поры кожи и под коротко обрезанные ногти. Наверняка при взгляде на них презрительно сморщила бы носик не одна лондонская модница. Впрочем, это – а также многочисленные царапины и даже пара синяков – не столь уж заметно благодаря великолепному оттенку кожи – темно-золотистому, медовому, теплему.

Прекрасной формы нос, по-европейски тонкий, с узкими крыльями, так не похожий на те широкие и приплюснутые, которыми обычно отличается большинство негроидов. Губы, при взгляде на которые приходит на ум лишь одно определение – «сочные».

Слегка вьющиеся волосы туго зачесаны назад и забраны в «конский хвост». Высокий лоб охватывает кожаная ленточка с очками-«консервами», защищающими глаза при работе с металлом. А эти глаза – огромные, влажные, с длинными пушистыми ресницами и чуть приподнятыми уголками, отчего их взгляд немного лукав и насмешлив, – стоит не просто защищать. «За благосклонность таких глаз мужчины испокон веков убивали и умирали», – думает ошарашенный пилот.

На вид незнакомке вряд ли больше, чем ему, то есть немногим за двадцать. Она дочь того самого мсье Кэмпбела, который «дважды доктор», поскольку действительно профессор медицины и по совместительству – механик, способный творить настоящие чудеса. И этот чудотворец, увы, позавчера уехал в Америку. Когда вернется? О, вряд ли раньше, чем к Рождеству, но это не беда. Мы что-нибудь придумаем и без него, правда?

– Обязательно... – китайским болванчиком кивает молодой человек, при помощи Сугейба с трудом выбираясь из повозки. Словно в тумане он слышит, как сержант представляет его хозяйке: «...летчик... поломался... британец, правда, и шотландцев, должен заметить, не любит...» – экая ты, оказывается, скотина, сержант Дантес!

⁴ «Шотлашка» (англ. сленг).

Девушка заливисто смеется и рассказывает старую шотландскую байку. Дескать, Господь, создав Шотландию, говорит архангелу Гавриилу: «Вот Мое лучшее творение! Изумительная, в меру прохладная погода, живописные горы, луга и озера. А уж до чего сильные, красивые, храбрые и добродетельные люди населяют эту землю! Вдобавок Я даровал им чудесную музыку и дивный напиток под названием “виски”. Вот, отведай!». Посмаковал Гавриил виски, восхитился и изрек: «Воистину, велик Господь! Но не слишком ли Ты щедро обошелся с этим народом? Не боишься их избаловать?» И ответил Творец: «Эээ, ты еще не видел, кого Я им подсунул в соседи!»

Теперь уже смеются все трое – даже британец, которого сейчас его горящие ярко-пунцовые уши беспокоят несравненно больше возможной травмы.

Дантес прощается, и они с Сугейбом отправляются в обратный путь, поручив молодого человека заботам «несравненной мадемуазель Дро».

Андромеды...

– ...Моя покойная мама была хоть и не царицей, но все же чистокровной эфиопкой, а папа – большой оригинал. Именно из-за этого, кстати, – ну, еще и из-за гордости, конечно; недаром у французов есть поговорка «*Fier comme un Ecosais*⁵», – он не смог оставаться на родине. Его эксперименты с механическим протезированием... Папа часто шутит, что в Средние века давно бы уже угодил на костер, а в наше благословенное время всего-навсего лишился кафедры в университете Сент-Эндрюса.

Английский Андромеды безупречен, но название города она произносит с нарочито шотландским акцентом, «Сент-Андрус», чтобы подразнить гостя. Но молодой человек только рад этому: дразня его, Дро почти всегда смеется. А ее смех – мягкий, переливчатый и удивительно искренний, лишенный даже тени жеманности – самое прекрасное, что он когда-либо слышал в жизни.

Опасения британца, к счастью, не оправдались – никакого разрыва связок, просто сильное растяжение. Оставив гостя на попечение двух слуг-берберов, Андромеда, не слушая никаких возражений, в сопровождении еще двоих едет к месту посадки «Скаута». И через сутки возвращается уже на аэроплане. Да-да, в искусстве управления воздушной машиной она вряд ли сильно уступает профессиональному пилоту. Хотя есть ли что-то, чего не умеет эта удивительная девушка? («Папа часто повторяет, что девиз Сент-Андруса – *Aien aristuein*⁶. А еще он говорит: хочешь добиться успеха – усвой как следует два правила. Первое: сначала поверь в то, что ты действительно способен его добиться. Второе: принимаясь за какое-нибудь дело, даже сколь угодно малое, либо приложи максимум усилий для того, чтобы завершить его безупречно, либо не берись вовсе. Знали бы вы, как он меня гонял! И в механике, и в медицине. Студентам университета, должно быть, такого и в кошмарах не снилось!»)

Девушка снова заразительно хохочет, отчего на ее щеках появляются очаровательные ямочки. Летчик слушает ее и улыбается. Он вообще не уверен, что за всю прошлую жизнь улыбался хотя бы вполовину столько, как в эти волшебные, восхитительные дни. Дни, в которые он внезапно открывает для себя совершенно неведомые доселе цвета, запахи и звуки. Дни, в которые ему хочется, наплевав на тщательно пестуемую с раннего детства рассудительность и сдержанность в эмоциях, подобающую истинному джентльмену, беспричинно смеяться, петь и обнимать весь мир. Хотя бы мир. Потому что весь мир сейчас – это она.

Рассветы и закаты. Солнце и ветер. Море и песок. Цветы и пальмы... мой бог, какие они, оказывается, разные! Почему он не видел этого раньше?

⁵ Гордый, как шотландец (*фр.*).

⁶ Всегда быть лучшим (*лат.*).

«Скаут» давно уже полностью приведен в порядок и даже несколько усовершенствован. Нога тоже ведет себя прилично. Сержант Дантес приезжал в очередной раз пару дней назад, интересовался, не нужно ли чего. Смотрел на англичанина странным долгим взглядом. Верный Сугейб улыбался, как всегда молча, и слегка кивал каким-то своим мыслям.

А дни все идут, перетекают один в другой, сливаются в щемящее, пронзительное, звенящее безвременье...

Солнце тонет в море. Ночной ветер шепчется с листьями пальм, а соленый прибой отвечает ему так вкрадчиво. От запаха жасмина и еще каких-то неведомых цветов кружится голова. Кружится настолько, что хочется упасть спиной на остывший после дневного пекла песок, раскинув руки крестом, и зажмуриться крепко-крепко. Но даже так, сквозь опущенные веки, по-прежнему видеть волшебный, немного шальной и удивительно родной блеск ее глаз.

– Так странно... Почему-то я самого детства была уверена, что, раз я Андромеда, то моего мужа непременно должны звать Персеом. А папа смеялся и говорил, что это может оказаться проблематичным. Где ж найти чудака-родителя ему под стать?

Перехватывает дыхание. Хоровод в голове прекращается резко, вдруг, будто налетев с размаха на бетонную стену.

– Например, в Англии, – с трудом выговаривает молодой человек, открывая глаза. И быстро-быстро, словно боится, что его оставит решимость, продолжает: – Нет, не говори ничего, позволь мне закончить. Я действительно британец, но Ричард Грей – не мое имя, и в Тунисе я очутился совсем не по той причине, которую озвучил итальянцам, французам и... тебе. Богатый спортсмен-повеса – лишь маска, дорогая. Хотя мой отец там, в Англии, весьма богат и влиятелен. А еще он очень знатен. настолько, что, в соответствии с древней традицией, назвал своего единственного сына пышным рыцарским именем Персиваль. Именем, которого он... я... всегда стеснялся, предпочитая простое «Перси».

Девушка некоторое время молча пересыпает песок из кулака в ладонь и глядит в море. А когда вновь решается заговорить, голос ее слегка дрожит:

– А я-то думала...

– Дро...

– Нет, теперь ты позволь... закончить мне, – она сглатывает раз, другой, словно что-то в горле – плотное, шершавое, колючее – мешает ей говорить. – Черт, да ты представить себе не можешь... столько раз я произносила твое имя. То, под которым узнала тебя. Произносила вслух и про себя. Пыталась петь его и кричать. Ричард... Рич... Ричи... Рики... Дик... Дикон... Не то. Не отзывается. Глухо. Мертво... – по ее щекам медленно текут слезы, дрожь в голосе усиливается. – И немецкое Рихард. Французское Ришар. Итальянское Рикардо... А дело вовсе не в том... не в том...

– Дро... Моя Дро...

* * *

– И вы, сэръ, член одной из славнейших фамилий Империи, наследник рода, известного с одиннадцатого века, офицер Королевской военно-морской авиации с блестящим будущим, вы обвенчались с этой... особой. Женщиной, стоящей неизмеримо ниже вас на сословной лестнице. Полукровкой, рожденной в сомнительном союзе шотландского авантюриста, под страхом тюремного заключения высланного из собственной страны за богопротивные эксперименты, и темнокожей невольницы. Достойной дочерью своего отца, занимающейся ремеслом, о коем благовоспитанной девушке грешно даже подумать. Обвенчались тайно, не

испросив родительского благословения, поскольку вам в нем, разумеется, было бы отказано. Что же вы молчите, сэр?

– Милорд... Я отправил родителям письмо...

– О да! – сэр Уильям не скрывает сарказма. – Почти полгода спустя. Поскольку предстать перед ними рука об руку с супругой, конечно, не посмели.

– Нет, милорд. Потому что началась война. А я, как вы только что справедливо напомнили, оставался британским офицером. И лишиться меня священного права сражаться за мою страну не мог ни он, ни король, ни сам Господь Бог. Мой отец был вправе отречься от сына, который, как он считал, опозорил его, и он поступил именно так. «Ты говоришь, что выбрал любовь? Так довольствуйся отныне лишь ею!» – вот все, что было в его ответном письме, которое я получил много позже, во Франции. Я очень хорошо помню тот день, милорд. Шестое апреля тысяча девятьсот шестнадцатого года. День, когда я умер...

* * *

Три британских аэроплана «на охоте» в районе Камбрэ. В составе этой мини-эскадрильи и старший лейтенант Перси Гастингс – опытный пилот с шестью подтвержденными победами на личном счету, переведенный из морской авиации в первое крыло поддержки армии.

Примерно через полчаса после вылета пилоты замечают одинокий «Фоккер», идущий значительно ниже их, словно провоцируя. Просигналив, покачиваясь с крыла на крыло: «Атакую!», лейтенант Гастингс направляет свой истребитель вниз, заходя немцу в хвост. Дает короткую пристрелочную очередь, но противник делает резкий крен вправо. Две крылатые машины начинают смертельный танец на высоте в десять тысяч футов над землей. Кружат друг за другом, как сумасшедшие, выжимая из двигателей максимально возможное на все более головокружительных виражах. Каждый стремится оказаться в «мертвой зоне», но если противники стоят друг друга, то «Фоккер» более легок на подъем и маневрен, чем истребитель британца. Это и решает исход дела – ему все-таки удается зайти сверху и сзади. К тому времени высота меньше на три с половиной тысячи футов, а ветер благоприятствует «Фоккеру», относя обе машины все ближе к немецким позициям.

До германских окопов остается примерно полмили, когда Перси понимает, что чересчур увлекся, израсходовав куда больше горючего, чем следовало бы, а враг вот-вот превратит хвост его машины в крошево. Британский пилот бросает машину в штопор, одним махом снижаясь еще на четыре тысячи футов, но немец не отстает. Круги, которые описывают аэропланы, становятся все уже, и теперь их разделяют едва ли не полтора фута. Если бы не шлемы и летные очки, пилоты вполне смогли бы разглядеть выражения лиц друг друга. К тому времени у Перси остаются лишь две возможности: приземлиться на вражеской территории или постараться улететь за линию фронта. Разумеется, он выбирает второе. Остались сущие пустяки – поскорее разобраться с проклятой «птичкой» кайзера.

Противостояние выходит на финальную стадию. Стараясь обмануть вражеского пилота, британский истребитель отчаянно петляет, щедро расходуя боекомплект, хотя до этого состязание заключалось исключительно в искусстве пилотирования. Немец, словно поняв, что развязка близка, отвечает тем же – два его синхронных пулемета то и дело плюются свинцом.

Высота ниже пятисот футов и продолжает падать. Перси пытается уйти резким зигзагом, но «Альбатрос» не отстает. Подныривает, задирая нос и непрерывно поливая противника очередями, сливающимися в две сплошные линии. Они скрещиваются, вспарывая днище истребителя, как винтовочный штык – банку тушенки. Круша, перемешивая дерево, металл и живую плоть в одно. Мир Перси Гастингса затягивает багровая пелена, в кото-

рой есть только боль и единственное слово... крик... стон длиной в сотни миль и столетий: «Дроооооо!!!»...

* * *

Там, за окном, бурлящая Уайтхолл – десятки автомобилей и мотоциклов, сотни людей, тысячи звуков, сливающихся в неясный гул. Там бьется, ни на миг не замедляясь, сердце огромного города. Столицы Империи, над которой не заходит солнце. Империи, ведущей величайшую войну в истории человечества. А здесь, в просторном кабинете Рипли-билдинг⁷, отделенном от внешнего мира лишь двумя рядами окон, оглушительная тишина. Какое-то время ее нарушает лишь басовитое жужжание мухи цвета тусклого бутылочного стекла.

– Что же было потом?

– Потом? Мой аэроплан рухнул примерно в сотне ярдов от вражеских окопов. Падения я не помню – потерял сознание. Это и к лучшему, поскольку еще в небе я дал себе слово застрелиться, но не попадать в плен. В тот день... – стоящий перед Пятым Морским лордом слегка усмехается, – я отчего-то подумал, что мне больше не для чего жить. Что ж, я ошибся, милорд.

Сэр Уильям быстро моргает раз, другой; кто-либо иной вполне мог бы предположить, что это признак эмоции, но только не человек, вызванный сегодня в Адмиралтейство. Он слишком хорошо знает Пятого Морского лорда, чтобы не сомневаться: все дело, конечно же, в случайной соринке. Деликатно прочистив горло, он продолжает свой рассказ.

– Мой противник оказался благородным человеком. Наша пропаганда, – он одними глазами указывает на скрученную в трубку «Таймс», лежащую перед хозяином кабинета по соседству с папкой, – часто представляет немцев сущими мясниками, живодерами, начисто лишенными чести. Хладнокровными и расчетливыми убийцами. Так вот, это неправда, милорд. Германскому пилоту, при всей его выдержке и бесстрашии, как оказалось, было не занимать милосердия и уважения к достойному противнику. Он не только не прикончил совершенно беспомощного врага, не только не позволил сделать этого своим солдатам, но и добился того, чтобы тот окровавленный кусок мяса, в который я превратился, поместили в немецкий офицерский госпиталь.

Три месяца спустя, при очередном обмене военнопленными, меня передали союзникам. Именно там Андромеда и нашла меня... виноват, милорд, оговорился. Не меня. Старший лейтенант Гастингс не вернулся из боевого вылета. Дро достался безымянный калека – жалкий, беспомощный, лишившийся кисти правой руки и обеих ног выше колена. Лишившийся смысла жизни.

* * *

– Дай мне пистолет, Дро. Прощу. Умоляю!!!

– Нет, Перси. Мой Перси. Ты еще будешь летать, вот увидишь.

– Летать? – пересохшее горло исторгает хриплый, лающий смех. – Летать?! Дро, посмотри на меня! Посмотри внимательно! Твой Перси давно мертв, понимаешь?! Мертв! А обрубок, который ты видишь, он... вообще недостоин называться человеком. Потому что человек имеет две руки, две ноги и, будь я проклят, способен ходить! Пусть не летать, но хотя бы ходить!!! Не извиваться змеей с перебитым... кхххаа!..

⁷ Одно из пяти зданий, составляющих комплекс Адмиралтейства, в котором размещались зал заседаний Комитета, другие официальные залы и резиденции лордов-заседателей.

Обтянутый пожелтевшей кожей скелет на больничной койке, кажущейся такой несурово длинной, скручивает жестокий кашель. Зубы выбивают чечетку на краю металлической кружки, так что большая часть ее содержимого проливается мимо. Но все же калеке удается сделать пару глотков, и спазм проходит. Абсолютно седая голова двадцатипятилетнего мужчины бессильно опускается на подушку.

– Родная, к чему мучить себя и меня, когда одна быстрая, милосердная пуля способна поставить точку в этом омерзительном фарсе, и без того затянувшегося дольше всех разумных пределов? Дай пистолет! Ну же!

– Нет. Если ты все еще Перси, если хоть немного любишь меня, ты будешь бороться. За себя. За нас.

– Я люблю тебя больше всего на свете и хочу, чтобы ты была счастлива. Была свободна. Ты молода, красива, талантлива. У тебя впереди вся жизнь. Дай пистолет.

– Нет.

Минута за минутой, час за часом, день за днем длится этот поединок двух любящих людей. Поединок, в котором один из них рано или поздно должен уступить.

– ...Хорошо. Давай попробуем. Но обещай мне: если ты однажды поймешь, что ошиблась... Если поймешь, что ничего не получится...

– Никаких «если», мой Персей. *Aien aristeuein*, помнишь? Я – твоя Андромеда. Я никогда не берусь за дело, если не уверена в победе. У меня все получится...

...И у нее действительно получается. Впрочем, как оказывается, не только у нее.

Эта дьявольская война, эта непредставимая по масштабам бойня, к тому моменту превратившаяся из европейской в мировую, обходится ее участникам слишком дорого. И материальные ресурсы – ничто по сравнению с человеческими. Окровавленные шестерни военной машины начинают прокручиваться вхолостую, не получая вдосталь свежей человечины. Грозят взрывом.

В Америке мистер Александр Кэмпбел, отец Андромеды, заручившись поддержкой ряда влиятельных промышленников и конгрессменов, проводит целый ряд операций по сращиванию живого – и неживого. Творений бога – с творениями человека. В первую очередь пациентами Кэмпбела становятся инвалиды, подобно Перси Гастингсу потерявшие конечности, но это только начало. Искусственные руки и ноги. Внутренние органы. Кожа. Кости. Говорят, профессор изобрел нечто, из-за чего инородные материалы не отторгаются человеческим организмом. Или получил его от самого Дьявола в обмен на свою бессмертную душу. Так ли это, никто не знает, но бродвейская постановка «Новый Фауст» бьет все рекорды посещаемости.

Почти сразу же, благодаря какому-то ушлому писаке, появляется термин. Обозначение. Клеймо.

Андромех.

Общество раскалывается надвое. Одни благословляют профессора Кэмпбела, другие проклинают. Первый из андромехов, заводской рабочий с искусственной кистью, полученной взамен потерянной из-за несчастного случая, разорван на куски озверелой толпой религиозных фанатиков через два дня после выхода из клиники. На жизнь самого профессора совершено шесть неудачных покушений, а двое его ассистентов гибнут прежде, чем становится ясно: запущенный маховик уже неостановим.

Первой из членов Антанты инициативу Америки поддерживает Франция. И не просто поддерживает, но и запускает широчайшую пропагандистскую кампанию. Обложки журналов, в первую очередь сверхпопулярного мужского еженедельника *La Vie Parisienne*, пестрят цветными иллюстрациями, на которых раскованного вида красотки страстно обнимают статных воинов с блестящими металлическими руками и ногами. Алые губы беззвучно кричат: «Хочу такого! Только такого!! Хочу!!!». «Пусть в моем теле стали больше, чем в твоём,

гражданин, зато в нем бьется сердце настоящего патриота!», «Пока я сражаюсь за Отчизну, Я – ЧЕЛОВЕК!» – вот самые популярные темы плакатов, висящих в мобилизационных пунктах; президент Пуанкаре при большом скоплении народа торжественно вручает нескольким андромехам орден Почетного легиона.

В России, напротив, несмотря на предельно высокие потери убитыми и ранеными, к андромехам относятся с большой настороженностью. Поместный собор Православной российской церкви выпускает специальное воззвание, в котором провозглашается анафема андромехам и всем тем, кто способствует их появлению. Впрочем, результатом становится лишь новый всплеск антиклерикальных настроений и раскола в обществе, и без того тяжело больного социализмом. Провозвестники которого, напротив, тут же поднимают угнетаемых калек, которым «кровавый царизм» отказывает в возможности возврата к полноценной жизни, на свои знамена.

Позиция Великобритании, хотя и не отличающаяся русским радикализмом, более сдержанна. До поры...

* * *

The Times

Понедельник, 5 сентября, 1916 г.

СИЛЬНАЯ РУКА ГЕРОЯ

Андромех против цеппелина

В ночь на 3 сентября рекордное количество немецких воздушных кораблей достигло берегов Англии. По непроверенным данным 13 дирижаблей противника с тоннами смерти на борту получили приказ, пользуясь густым туманом, прорвать системы нашей противовоздушной обороны и, зайдя с северо-запада, обрушить на Лондон свой ужасный груз. Но, в отличие от прошлого года, львы Британии были начеку и преподали славный урок германским стервятникам.

Та ночь, когда весь город словно тонул в океане светового дыма, образованного лучами прожекторов, неравномерным мерцанием трасс и разрывами снарядов, запомнится многим. Плотнейший заградительный огонь зенитной артиллерии заставил все цеппелины освободиться от бомб значительно раньше намеченного и убраться восвояси, спасаясь от неминуемой гибели. Всех, кроме одного.

535-футовый колосс, настоящий воздушный Левиафан, из-за плохой видимости оторвался от остальной армады. «Нырять» из облака в облако на большой высоте, он пытался увернуться от шарящих по небу пальцев прожекторов. Как знать, может, ему бы даже повезло, но той ночью Бог и судьба были на стороне правых. Капитан Королевского летного корпуса, в последний момент заметив дирижабль, устремился за ним в погоню на своем истребителе. В царящей кругом неразберихе отважный летчик сумел подобраться к темной туше цеппелина незамеченным и открыть огонь из пулемета. Несмотря на то, что смельчак опустошил целый диск с зажигательными патронами, атака не увенчалась успехом. Но капитан

не собирался упускать противника – совершив рискованный маневр, он поднялся выше дирижабля и снова атаковал. И опять безрезультатно. Для третьей и последней атаки летчик выбрал позицию точно позади противника, чуть ниже его громадного хвостового оперения. И снова стрелок не снимал пальца с гашетки до тех пор, пока не выпустил все патроны до единого. Несколько мгновений летчик, совершенно безоружный, не считая револьвера, с глухой яростью наблюдал за уходящим в ночь врагом. И вдруг внутри непроницаемо черной оболочки дирижабля появилось свечение. Сперва еле заметное, оно стремительно распространялось вперед и виширь, становясь все отчетливее. Очевидцы утверждают, что несколько мгновений дирижабль походил на гигантский китайский фонарь из рисовой бумаги с горящей внутри свечой, скользящий по небу. Внезапно из кормовой части цеппелина вырвалось ослепительно яркое пламя. И вот уже запылал весь воздушный корабль, освещая землю чуть ли не на шестьдесят миль вокруг.

Кто же этот смельчак, подобно библейскому Давиду дерзнувший заступить дорогу посланному кайзером Голиафу? Кто он, отплативший врагу за Ярмут и Скарборо, Хартлпул и Уитби, Лоустофт и Фолкстон?

Андромех!

Да-да, дорогие читатели! Небо Лондона вместе с прочими героями ныне хранит человек, чьи высочайшие моральные принципы и несгибаемое мужество не позволили ему, потерявшему на фронте правую руку и обе ноги, оставить борьбу. Вы спросите, как его имя? Увы, отважный летчик оказался также и бесконечно скромным человеком. «Так ли важно, кто я и откуда? – спросил он нашего специального корреспондента Джона Хаксли, не без труда разыскавшего героя. – Солдат, который честно исполняет свой долг. Почтительный сын и любящий муж. А имя... – он усмехнулся и сжал в кулак свой стальной протез, – ...скажем, Армстронг». Когда же мистер Хаксли поинтересовался у капитана Армстронга, не хотел бы он передать кому-нибудь привет со страниц нашей газеты, пилот, немного помедлив, сказал: «Почему бы и нет? Моей любимой жене, подарившей мне новую жизнь, и моему достопочтенному отцу, разъяснившему мне, что же в этой жизни самое главное».

Немецкая пресса не так давно утверждала, что «...наши цеппелины вознесли огненную десницу возмездия над Британией»⁸. Что ж, на это мы можем ответить агрессорам лишь одно: сколь бы ни был жарок этот огонь, он будет отражен стальной рукой истинных англичан!

Боже, храни короля!

* * *

Сэр Уильям молча смотрит на стоящего перед ним офицера в парадной форме капитана Королевского летного корпуса. На тускло поблескивающий Крест Виктории⁹ и столь же тусклый блеск пальцев правой, неживой руки. Ничто не отражается на слегка порозо-

⁸ Газета *Kölnische Zeitung* от 21 января 1915 года.

⁹ Высшая военная награда Великобритании, вручаемая за выдающийся героизм, проявленный в борьбе с врагом, солдатам и офицерам британской армии, Королевского флота и воинам армий союзников, совершивших выдающиеся действия в бою в интересах британской Короны.

вешем лице Пятого Морского лорда, когда он медленно поднимается из своего кресла. Шаг сэра Уильяма, как всегда, тверд, осанка безупречна. По-прежнему свернутую в трубку газету он сжимает в левой руке, и то, что газета эта слегка подрагивает, способен заметить только самый внимательный наблюдатель. Остановившись напротив офицера, Его лордство несколько свинцово-тяжелых мгновений смотрит ему в глаза. Во вновь наступившей тишине монотонное жужжание мухи, отчаянно быющей в оконное стекло, кажется особенно громким.

– А как же король? – наконец, произносит сэр Уильям жутковатым голосом, слегка звенящим от сдерживаемого с трудом негодования. – Неужели вы и Его величеству представились этим... этим именем, более подобающим какому-нибудь боксеру, дерущемуся за деньги на потеху толпе?

– Это было бы крайним неуважением к Его величеству... – слегка склоняет голову офицер. Его лордство едва слышно стравливает воздух сквозь плотно сжатые губы, похожие на идеально прочерченный сабельный шрам. И слышит окончание фразы: –...обойтись одной фамилией. Разумеется, я сообщил ему также и свое имя. Персей.

– Это... это...

– Да, милорд?

– Это неслыханно, сэр. Это возмутительно. Это позор.

– Осмелюсь уточнить, милорд: что именно?

Два удивительно похожих взгляда снова скрещиваются, словно две шпаги в руках искусственных фехтовальщиков. Короткое противоборство. Слегка проявившиеся желваки на скулах. Едва заметно увлажнившийся лоб. А потом сэр Уильям, разрывая контакт, резко отворачивается к окну. Делает три глубоких вдоха-выдоха. И вновь обращает к капитану бесстрастную алебастровую маску, вот уже скоро шесть десятилетий служащую лицом одному из самых влиятельных людей Британской Империи.

– Разумеется, я имел в виду эту статью. Ужасно. Просто никуда не годится.

Бледные губы Армстронга трогает тень улыбки. Не только германские асы умеют ценить мужество противника, способного с достоинством принимать поражение. Вытягиваясь по стойке «смирно», он щелкает каблуками:

– Вы абсолютно правы, милорд. Фотография вышла не слишком удачной...

Вера Камша Всё, не считая призраков

Миле Деминой

*Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца.
Зачем Колумб Америку открыл?*

Николай Гумилев

*– Кому это принадлежит?
– Тому, кто ушел.
– Кому это будет принадлежать?
– Тому, кто придет.*

Артур Конан Дойл. «Обряд дома Месгрейвов»

1

– Увы, мой дорогой Гарри, – Сэр Герберт элегантно и горестно развел руками, – дать согласие на твой брак с Летти я не могу. Будем говорить прямо, ты – нищий, а моя девочка не может лишиться множества мелочей, которые делают жизнь приятной, и без которых ваш рай в шалаше обернется адом на съемной квартире.

– Летти выше этого! – «Дорогой Гарри», он же одиннадцатый барон Морноу, красивый молодой человек, будто сошедший с картины прерафаэлиты, с возрастающим недоумением уставился на собеседника.

– Молодая девица не может быть выше хороших перчаток, – отрезал сэр Герберт. – Вернее, может, но тогда она ужасна или несчастна. Вижу, ты хочешь объясниться, причем не со мной; Летти тебя, разумеется, выслушает. Надеюсь, ты примешь ее ответ, как джентльмен, а не как, гм, поэт. Если захочешь обсудить свои дела, я к твоим услугам, хотя выход у тебя один – подходящая женитьба.

– Я... Я никогда...

– Мы еще вернемся к этому разговору, – сэр Герберт закурил и с удовольствием откинулся на спинку кресла. – Я очень любил твоего отца, Гарри, но все, что я могу сделать для своего покойного друга, это вытащить тебя из столицы мыльных пузырей. Не сейчас, сейчас ты будешь недоумевать и страдать. Летти должна быть в саду у качелей, можешь воспользоваться моим окном¹⁰, вряд ли тебе хочется идти через дом...

– Благодарю вас, сэр, – Морноу заставил себя пойти по обсаженной зацветающими маргаритками дорожке спокойным шагом, но, скрывшись из глаз будущего – в этом молодой человек вопреки сказанному не усомнился – тестя, почти побежал. В чувствах Летти он был уверен свято, но действительная, пусть и преодоливая, трудность оказалась не столь хороша, как на страницах романов, а уж сэр Герберт... Ну как он только мог?!

Сэр Герберт Вилкенгем был другом детства и соседом скоропостижно скончавшегося десятого барона Морноу. Решение породниться джентльмены приняли сразу же после кре-

¹⁰ Имеется в виду французское окно – панорамное окно до пола со шпультowymi или раздвижными створками.

стин Летиции, жениху тогда не исполнилось и четырех. Узнав о помолвке, Гарри ужасно возгордился и пребывал в таком состоянии, пока не увидел свою суженую, оказавшуюся мелкой, крикливой и противной. Гордость сменилась отчаяньем, однако папенька сказал, что все решено, а через семнадцать лет Летти будет само очарование.

На учебу Морноу-младший отбыл, не испытывая к пухленькой соседке никаких чувств, кроме досады, усугубленной родительскими напоминаниями об обязательствах перед Вилкенгемами. Год назад будущий лорд, приехав на каникулы, уныло отправился с дежурным визитом к невесте и обрел Гебу, Беатриче, Офелию... одним словом – идеал. В университет юноша умчался на крыльях любви, оказавшимися еще и крыльями Пегаса; в Вилкенгем-холл стаями летели сонеты, канцоны и оды. Заслуженные – Летиция была не только обворожительна, она изумительно чувствовала поэзию!

Читая и перечитывая ответы возлюбленной, Генри Монроу благодарил судьбу за ниспосланное ему чудо. Единственное, о чем молодой человек слегка сожалел, это о богатстве невесты и о том, что на пути к счастью нет никаких преград. Вот если б Вилкенгемы разорились, а отец, узнав об этом, потребовал бы разорвать помолвку... Но Морноу никогда не были корыстны! Вот незаконнорожденной Летти оказаться могла, если сэра Герберт в юности тайно женился на испанке или актрисе... С каким бы восторгом Гарри вышвырнул мерзкого шантажиста, заявившегося с копией брачного договора! Не сложилось – шантажист так и не появился, а в начале апреля Морноу-младшего срочно вызвали домой.

По праву гордившийся своим здоровьем отец, возвращаясь из гостей, попал под ливень и простыл; сперва болезнь не казалась опасной, потом стало поздно. Доктора с прискорбием качали головами и разводили руками; не прошло и недели, как молодой человек стал бароном и обладателем внушительной кипы векселей и закладных, в которых ничего не понимал. Он вообще ничего не понимал, только дом стал пустым и каким-то выстывшим: сдвинутые шторы, запах прописанных матери капель и тишина. Сестер и младшего брата после похорон отослали к тетке, а борзую Фэнси, повадившуюся по ночам выть в парковой беседке, по настоянию матери отдали лесничему. Не знающий чем себя занять Гарри бродил из комнаты в комнату, потому и услышал, как старшая горничная и дворецкий сетуют, что теперь у молодого лорда с мисс Летти вряд ли что-то выйдет.

Требовать объяснений у прислуги было неприлично, но Гарри, немного подумав, вспомнил, что объявление о помолвке дать не успели, а из-за траура свадьбу придется отложить. Вилкенгемы были слишком хорошо воспитаны, чтобы напомнить о себе первыми, но двухнедельное молчание Гарри могли счесть отказом от прежних обязательств. Утром молодой человек велел оседлать Француза и отправился к сэру Герберту с извинениями, только они не потребовались.

– Гарри!

– Летти!

– Гарри, папа тебе уже сказал?

Вся в розовом среди бело-розовых цветов, мисс Вилкенгем казалась самой весной, о чем Гарри и сообщил:

– Радость моя, сегодня ты прекрасней Флоры!

– Спасибо. Неужели не сказал или ты сразу прошел ко мне?

– Я видел сэра Герберта, он отказывается нас благословить, но Гретна-Грин¹¹ не так уж и далеко.

¹¹ По английским законам лица младше 21 года могли вступать в брак лишь с согласия родителей или опекуна; в Шотландии возрастной ценз был существенно ниже (14 лет для мужчин, 12 – для женщин), а сама церемония предельно упрощена. Этим пользовались идущие против воли семьи пары, выезжавшие в Гретна-Грин, первую из находящихся на шотландской территории деревень, по дороге из Лондона. В описываемые времена единственным условием для заключения брака было трехнедельное пребывание в Шотландии хотя бы одного из пары.

– Чтобы ехать в Гретна-Грин, нужен экипаж, – рассудительно заметила Летиция, – пойдем в беседку, там удобней говорить.

– Как скажешь... Летти, какая же ты смешная! Твой папа назвал меня нищим. По сравнению с вами это так и есть, но на карету и на то, чтобы снять домик в Шотландии, мне хватит. Я буду работать! Когда мне не потребуется отвлекаться на все эти семинары и лекции, дело пойдет быстрее... Первый сборник я подготовлю к изданию уже осенью и сразу же примусь за роман. Смею надеяться, у меня выйдет не хуже, чем у столь любимого тобой француза, который не имеет ни малейшего понятия о теории литературы.

– Мистер Дюма пишет весьма занимательно, – рассеянно возразила Летти. – Гарри, ты слишком джентльмен, чтобы продавать свой талант.

– Только ради тебя, – заверил талант, любуясь оленьими глазами и блестящими черными локонами. Мисс Вилкенгем затмевала всех креолок и испанок мира, к тому же она была истинной леди, чьи предки прибыли в Англию с самим Вильгельмом Завоевателем!

– Ради меня не нужно, – лучшая девушка Соединенного Королевства, а, значит, и всего мира, покачала головкой. – Гарри, мы находимся в очень стесненных обстоятельствах. Пока жив папа, он находит деньги, но только в долг, который обязательно взыщут с наследников. Твой поверенный тебе всё объяснит, потому что твой отец делал так же.

– И хорошо! – обрадовался Гарри. – Теперь никто не скажет, что я женюсь на богатой наследнице по расчету, хотя при виде тебя в корысть не поверил бы сам Шейлок! Конечно, первое время придется немного экономить, мне даже придется пойти на поводу у публики...

– Гарри, – перебила Летти, – ты или не слышишь или не хочешь слышать! Я не могу стать твоей женой! Скорее всего, мне придется выйти за мистера Баррингтона. Мортимер из Америки, но его предки родом из нашего графства, а мистер Баррингтон-старший, у него есть верфи, хочет, чтобы Мортимер женился на настоящей английской леди.

2

День померк, мир рухнул и разбился. Гарри как-то добрал по своим следам до кабинета сэра Герберта, пожал тому руку, что-то ответил, прошел через дом, сел в седло. Воспитание, отличное английское воспитание, явило свой триумф – молодой человек не совершил и не сказал ничего недостойного джентльмена. Отдохнувший Француз принял с места легкой рысцей, а за воротами, не дожидаясь приказа, свернул к Морноу. Гарри покачивался в седле и пытался отогнать боль и горечь. Потерять Летти он не мог, а девушка не верила в счастье без средств и еще меньше в то, что Генри Морноу сумеет добыть деньги. Проклятый, гнусный, богатый американец был приглашен на день рождения леди Вилкенгем, где и собирались объявить о помолвке. В распоряжении Гарри оставалось около месяца, этого с избытком хватало, чтобы подстроить побег, но написать и продать роман не успел бы и сам Дюма! Иных способов разбогатеть Гарри не видел, мелькнувшая в голове мысль об ограблении была предельно глупой, к тому же появление денег пришлось бы объяснять. Оставалось обратиться за помощью к родне, то есть к дяде Джорджу. Брат матушки, хоть его за это и порицали, водил дружбу с дельцами из Сити и вполне успешно играл на бирже, одолжить под будущий роман достаточную сумму он мог без особого труда. Конечно, придется подписать долговые обязательства, но Париж стоит мессы! Только бы дядя не уехал по делам на континент...

Сэр Джордж был в Англии, в Лондоне и даже на своей квартире, но эта удача оказалась единственной. Просьбу племянника родич выслушал внимательно, ни разу не раскрыв свою любимую табакерку с портретом ее величества, но и только.

– Это несерьезно, Гарри, – решительно объявил дядя. – Чтобы стать генералом, нужно сперва стать кадетом, и это относится не только к армии. Возможно, когда-нибудь ты и

будешь литератором, я даже не исключаю, что твои писания войдут в моду, но это не тот залог, под который тебе ссудят деньги сейчас.

Я вижу для тебя лишь три выхода. Ты, разумеется, с моими рекомендациями отправляешься в колонии и с помощью опытных людей пытаешься встать на ноги.

Ты поступаешь в воинскую службу. Я к тебе достаточно привязан, чтобы потратиться на офицерский патент, но экзамен в Сэндхерсте – тут тебе придется постараться самому.

Ты женишься на девушке из достойной, состоятельной семьи, что вовсе не отменяет первые два варианта. Напротив, родители охотнее вручат дочь человеку, занятому достойным делом, а девицы всегда предпочитали военных. Конечно, тебе в любом случае придется расстаться с этой ужасной прической. Останешься на обед?

– Нет, благодарю вас.

– Твое дело. Через неделю я тебя жду, обдумай все как следует. Я готов тебе помочь, и помочь серьезно, но лишь один раз.

– Спасибо, дядя Джордж, но я не могу продать свою любовь, Летти для меня все!

– Что ж, очень жаль... Тогда тебе остается только вырыть клад бедняги Фрэнсиса, но ты все же подумай. Когда я давал тебе неделю, я не учел твоих чувств. Жду тебя через месяц, и передай моей сестре, чтобы не беспокоилась. На булавки ей с девочками хватит, а сейчас надо подумать о здоровье, отдых и лечение в Бате я оплачу.

Пришлось благодарить еще раз, но мысли Гарри уже были о другом. «Клад бедняги Фрэнсиса», семейная шутка, в которой... в которой могло крыться спасение! Шанс был ничтожным, но он все-таки был!

3

«Бедняга Фрэнсис» не стал позором фамилии лишь потому, что являлся живым подтверждением благородного происхождения рода Торндайк – в старинных семействах люди со странностями нередки. Впрочем, Фрэнсис особых хлопот не причинял, разве что женился на собственной горничной. Отданный в конце концов под опеку младшему брату достойный джентльмен обитал в уединенном коттедже среди книг и воздушных змеев, которых так и не разлюбил, хоть и дожил до шестидесяти с лишним лет. Еще одной странностью было то, что при встрече с мистером Торндайком родственники и знакомые отчего-то упорно величали его «сэром», хотя он таковым не являлся, а к титулам не испытывал ни малейшего пиетета.

Визиту троюродного внука он, в отличие от миссис Торндайк, миловидной пухленькой женщины, ничуть не удивился, только попросил немного подождать. Гарри ждал, глядя, как румяный седовласый джентльмен, понемногу сматывая бечеву, глубокомысленно следит за парящей в синеве хвостатой игрушкой. На дальнем берегу большого пруда паслось несколько коров, квакали лягушки, и надеяться найти здесь помощь было просто глупо.

– Итак, мой дорогой, – бодро произнес сэра Фрэнсис, аккуратно прихватывая спустившегося на грешную землю змея, – что тебя сюда привело и кто ты такой?

– Я – Генри Морноу, – окончательно пав духом, повторил Гарри, – сын вашей...

– Это я помню, – обрадовал мистер Торндайк, – хотя степень нашего родства и имеет определенное значение. Меня занимает, кто ты, как таковой, если из тебя вычесть предков и поместье.

– Я... Я сейчас в Оксфорде и пишу стихи, но собираюсь перейти на прозу.

– Не надо стихов, – с некоторым испугом попросил сэра Фрэнсис. – Молодой человек твоей наружности, не побывавший ни на войне, ни в колониях, но прослушавший ужасный университетский курс, может создавать лишь ужасные вирши. Если ты проделал свой путь, чтобы прочесть мне веночек сонетов, я буду вынужден тебя огорчить...

– Я не собирался, – окончательно растерялся Гарри, – я собираюсь жениться...

– А! – оживился сэра Фрэнсис. – Если тебе нужна моя поддержка *в этом*, ты ее получишь. Только, боюсь, она тебе даст лишь ощущение правоты. Видишь ли, Гарри, я ведь могу тебя так называть? Чтобы родственники и знакомые признали твой брак, нужно или пойти у них на поводу, или сойти с ума. Можно еще быть кем-то вроде русского царя, как и я, женившегося на служанке, но у тебя это не выйдет. Нет, не выйдет... Впрочем, расскажи по порядку, я люблю наблюдать за жизнью, а препятствия, которые сочиняют себе люди на пути к исполнению завета «плодитесь и размножайтесь», подчас бывают забавны. Итак, я слушаю!

– Не знаю, стоит ли...

– Стоит, иначе ты зря поднялся раньше, чем привык, и, тем более, зря заблудился. Доверять картам опасно, не дослушивать объясняющих дорогу крестьян опасно вдвойне.

– Сэр Фрэнсис!

– Есть многое, друг Горацио... Многое, становящееся очевидным, если не только смотреть, но и видеть. Правда, для этого надо освободить разум от лишнего. Рассказывай, но по возможности не давай собственных оценок.

4

Рассказ Гарри был лаконичен, он был бы еще короче, воздержись молодой человек от панегирика Летти. Сэр Фрэнсис выслушал, скорбно прихлопнул севшего на руку комара и спросил:

– Зачем?

– Но, – опешил Морноу, – я же объяснил... Летти считает меня слишком джентльменом, а сэра Герберта не понимает... И еще появился этот американец!

– Опасения сэра Герберта нельзя истолковать двояко. Я спросил, зачем тебе связывать судьбу с мисс Летицией, но этот вопрос можно отнести к риторическим. Тебе нужны деньги, причем немедленно, и ты решил попытаться счастья с семейными сокровищами, в которые никто не верит. Совет иного толка, ты, несомненно, отринешь.

– Я... Я буду за него благодарен.

– Вряд ли. Я бы посоветовал отдать розовую мисс американцу, принять предложение моего деловитого племянника, отправиться в колонии и попробовать поработать в прямом смысле этого слова. Лет через десять ты – при желании – начнешь писать нечто осмысленное и, возможно, встретишь женщину, которая нужна именно тебе. Но поскольку подобный *modus operandi*¹² тебя не устраивает, тебе придется найти клад и жениться на совершенно пустом создании.

– Вы не видели Летти!

– Более того, не собираюсь. У тебя есть неглупый друг, которому ты готов доверить жизнь и который не сочтет, что сундук с золотом дороже?

– Сэр Фрэнсис!

– Видишь ли, Гарри, сундук с золотом искушает, тем более сундук с золотом, о котором известно только двоим. Я не в счет, я безумен.

– Хью! – выпалил Гарри, – Хьюго Хайчетер!

– Боксер? – выказал неожиданную осведомленность сэра Фрэнсис. – Не думал, что среди твоих друзей отыщется столь достойный человек.

– Хью – джентльмен! Просто обстоятельства...

– Гарри, не стоит принимать за сарказм то, что является констатацией очевидного. Я в самом деле считаю молодого Хайчетера исключительно достойным человеком и готов дове-

¹² Образ действия (*лат.*).

речь ему твою жизнь. Мне было бы неприятно, если бы ты погиб из-за такой неприятной вещи, как золото. Если вас убьют, вашей смертью займется «Кроникл», но я предпочитаю Немезиде Гименея. Даже самого скверного... Присядем?

Скамья на берегу пруда казалась удобной, и вид с нее открывался прелестный. Гарри не отказался бы привести сюда Летти. Само собой, в отсутствие невозможного сэра Фрэнсиса, а тот первым делом аккуратно положил на траву своего змея, а затем вытащил огромный клетчатый платок и смахнул с нагретых солнцем досок несуществующие пылинки.

– Прошу. Гарри, чтобы найти сокровища, нужны не тачка и лопата, а разум и, видимо, физические сила и ловкость. Я готов объяснить, как искать и почему, но подставлять в формулу цифры и считать тебе. Кроме того я бы советовал держать твои поиски в тайне.

– Само собой, – пробормотал будущий искатель сокровищ. – Я не хочу, чтобы меня...

– Признали недееспособным? – весело подсказал сумасшедший. – Опеки просто так не добьешься; мне, чтобы обрести максимальную из возможных в Соединенном Королевстве свобод, потребовалось восемь лет, о которых и вспомнить-то неприятно. Я совсем о другом: насколько я понял, твои дела в удручающем состоянии, кредиторы же, узнав о твоей находке, могут попытаться ее отсудить, объявив частью находящегося в имении и, следовательно, заложенного имущества.

– Хорошо, – пообещал сраженный явно разумным доводом Гарри, – я не скажу даже маме.

– Ей – особенно. Вдовья доля – такой соблазн... Ты не возражаешь, если я начну изда-лека? Видишь ли, мне хочется тебя убедить, а не послать за кладом, как посылают за палкой собаку, и та бежит... Мне это зрелище было всегда неприятно, особенно испытываемая собакой радость, хотя псу, разумеется, видней, но давай о деле.

Когда моя двоюродная племянница приняла предложение твоего отца, я заинтересовался историей рода Морноу. Ты более или менее осведомлен о своих предках?

– Они были норманнами. Потом что-то такое вышло во времена Войны Роз или сразу после...

– Леди Анна Морноу и ее молитвы о том, чтобы пережить Генриха Восьмого, нам пригодятся, но тебе нужен лорд Бартоломью. Всем – когда я говорю «всем», я подразумеваю тех, кто знает о существовании вашего семейства и хотя бы слегка вникал в его историю, – известно, что в тысяча семьсот одиннадцатом году супруга лорда Бартоломью, прихватив фамильные ценности, бежала с любовником в Новый Свет. Беглецов удалось проследить до Ливерпульской гавани¹³, вернее до отплывавшего в португальские колонии судна. В наших колониях беглецов еще можно было отыскать, но в Бразилии это и невыполнимо, и бессмысленно. Тем не менее, лорд Бартоломью пылал мстостью, на которую и спустил свое немалое состояние. Кроме того, он пил, что немало приблизило его кончину. Чудовищно расстроенные имения перешли к кузену покойного, человеку очень дельному. Новому лорду удалось выправить положение и около ста лет ваше семейство процветало. Затем за дело взялись твои дед и отец, следствием чего и является наш разговор.

– Это я помню, – счел уместным ввернуть Гарри, и сэр Фрэнсис удовлетворенно улыбнулся.

– Забудь, – потребовал он. – Леди не бежала в Америку и не увозила драгоценности и золото. Ее вместе с возлюбленным, хотя в том, что это был именно возлюбленный, я не настаиваю, убил мучимый ревностью супруг. Лорду Бартоломью удалось отвести подозрения прежде всего благодаря исчезновению знаменитых на всю Англию драгоценностей. Скоропостижная смерть убийцы и то, что наследнику пришлось начинать с чистого листа, дока-

¹³ Автор в курсе, что *Yes, weekly from Southampton, Great steamers, white and gold, Go rolling down to Rio...*

зывают, что сокровища Морноу лежат там, где их спрятали. Теперь самое время вспомнить о леди Анне. Вспоминай!

– Я знаю только, что она жила и умерла католичкой, и ее очень любил муж.

– Ничего другого нам и не требуется. Когда Генрих Восьмой, вот уж неприятный был джентльмен, принялся изводить католиков, во многих приличных домах появились особые тайники, где хозяева прятали священников и монахов. Более чем вероятно, что леди Анна не рассталась со своим духовником, а муж никогда ей не перечил. Хозяйка Морноу не могла себе позволить умереть раньше короля, ведь тогда человек, которого она спасала, был бы обречен. Но сидеть годами в заточении очень неприятно, другое дело, если ты можешь работать, принимать гостей, гулять. Из тайника должно быть не менее двух выходов – в комнаты хозяйки, и в парк, а там имелась часовня. Когда Тюдор ополчился на папу, ее снесли, и леди Анна несколько против этого не возражала. Тогда же в доме случился пожар, после которого начались некоторые переделки.

Я полагаю, хозяева таким образом скрыли обустройство тайника, секрет которого леди Анна передала своему старшему сыну. Времена были непростые, и хотя нравы постепенно смягчались, знать, что тебя не застигнут врасплох, было приятно. О дальнейшем можно лишь гадать. Либо пропавшая леди, для простоты я буду называть ее Маргарет, приспособила тайник для любовных свиданий, либо лорд Бартоломью вспомнил о нем, когда потребовалось спрятать якобы похищенные ценности. Ты хочешь что-то сказать?

– Сэр Фрэнсис, я надеюсь... надеюсь, что вы правы!

– Леди Анна наверняка бы выразила иную надежду. Что ее потомки не нарушали заповедей.

– Искать в северном крыле?

– И в парке, бывшая часовня несомненно сообщалась с домом. Лорд Бартоломью хранил свою тайну больше двенадцати лет, у него было время избавиться от трупов и замести следы. Не думаю, что выход из тайника в дом, в отличие от хода в сад, уцелел. Известно, что лорд сперва заколотил комнаты супруги, а потом принялся их переделывать. Якобы для наследника, но сэра Винсента при жизни старого хозяина туда не пускали. Поймите, Гарри, я не говорю, что вам будет легко...

– А если... – испугался Гарри, – если они все-таки бежали?

– Хорошо, – вздохнул сэр Фрэнсис, – давай рассуждать. Ни Маргарет, ни ее возможный возлюбленный, а это был молодой человек из хорошей семьи, искренне привязанный к родным, не дали о себе знать даже после смерти лорда. Допустим, они начали новую жизнь или погибли на чужбине, в Бразилии было, есть и будет множество диких зверей и преступников, но остается объяснить поведение якобы покинутого супруга. К счастью, в те времена чуть ли ни все вели дневники и ваш предок не исключение, его журналы хранятся в библиотеке Морноу, прочитайте на досуге. Сэр Винсент шел на поводу у всеобщего мнения и не сомневался в бегстве леди и бессильной ярости лорда, но природная наблюдательность заставляла отмечать некоторые странности.

Лорд Бартоломью не жалел средств на агентов, которые регулярно присылали ему из колоний отчеты. Наследник видел эти письма – они неделями лежали на письменном столе, так и не будучи распечатаны.

Считалось общеизвестным, что лорд Бартоломью жаждет мести. Последние годы он много пил, часто впадая в невменяемое состояние. Если бы он гонялся за воображаемыми любовниками, не было бы ничего удивительного, но он запирался в южном крыле и кричал, что не даст себя арестовать, а с дьяволом разберется без посредников. Такое поведение естественно не для оскорбленного мужа, а для опасющегося разоблачения преступника.

Мало того, лорд приглашал в имение то католических священников, то шарлатанов и выписывал трактаты о загробном мщении, что опять-таки наводит на определенные выводы.

Однажды сэра Винсента оказался свидетелем вроде бы индусского ритуала, после чего предпринял попытку покинуть Морноу, однако лорд Бартоломью уговорил его остаться. Ты еще сомневаешься?

– Нет! – мысленно Гарри уже простучивал стены. – Нет. Сэр Фрэнсис, а почему вы... вы не занялись этим сами или с папой?

– Я обиделся. Видишь ли, это была первая из решенных мной загадок. До того были случаи с пропавшим пугалом и заживо оципаным петухом, но они могли разве что развлечь арендаторов. Я решил подарить клад твоей матери на свадьбу и случайно услышал, что она полагает меня «таким странным». Тогда я еще не понимал выгоды подобного положения.

– Сэр Фрэнсис... но какая выгода в том, что... Почему вы допускаете, чтобы... чтобы вас...

– Полагали сумасшедшим? – с прежней готовностью подсказал родич. – Это же очень просто! Сумасшедший свободен. Если не вешаться и не кусаться, можно заниматься тем, чем хочешь, и говорить, что думаешь. Кроме того так лучше для Глэдис, ведь когда за безумным родственником бесплатно приглядывает жена, это устраивает всех. Глэдис тоже спокойна, а, останься я дееспособен, высохшие почтенные лошади ее бы доконали.

Не пойми меня превратно, но большинство девиц и дам моего возраста ужасны, а ведь среди них немало тех, кто, будь я в своем рассудке и холост, до сих пор пытался бы выйти за меня замуж! Кроме того, Глэдис не страдает от осознания своего бесплодия. Простолюдины разумны и полагают, что больные люди, как и больные овцы, не должны плодиться, так что и тут очень удобно, но тебе пора. Если ты, само собой, не хочешь встретиться с Эндрю.

– Эндрю?

– Сын издателя нашей «Кроникл», я, кажется, о ней упоминал. Эндрю приносит мне местные загадки, а потом печатает ответы. Разумеется, под своим именем, но гонорар получает Глэдис, и его не облагают налогом. Поверь, это надежней клада, который может развратить.

5

Вернувшись в Морноу, Гарри узнал, что мать вняла-таки советам докторов и отбывает в Бат вместе с кухней Прюдэнс. Молодой человек два вечера выслушивал, что надлежит сделать, но, не успев осесть поднятая увозящим дам экипажем пыль, умчался в Лондон на поиски спасителя.

Дворецкий Хайчетеров сообщил, что мистер Хьюго только что вернулся с континента и остановился в отеле «Охотничий Хлыст». Гарри бросился туда и застиг приятеля в обществе полного кудреватого господина средних лет. Доверия оный господин не внушал и уходить не торопился, пришлось спуститься в буфет выпить чаю. Это пришлось кстати – Гарри ничего не ел с самого утра и изрядно проголодался, к тому же требовалось подумать. Хьюго был замечательным малым, но вращался, мягко говоря, в не слишком уважаемых кругах. Так было не всегда: когда тринадцатилетний Гарри впервые увидел двадцатилетнего Хьюго, тот проходил положенный приличному молодому человеку курс наук, но с куда большим прилежанием занимался кулачным боем и был не прочь кое-чему поучить младшего брата и его одноклассника. Энтони от бокса был в восторге, но Гарри уже тогда полагал, что джентльмену следует проводить свой досуг несколько иначе. Морноу сам не понял, как они с Хьюго умудрились сдружиться, наверное, их сблизил неожиданная смерть Энтони... Правда, последний год друзья не виделись – Гарри был поглощен своей любовью, а Хьюго... После смерти отца Хьюго ушел из дома и стал выступать в призовых поединках. Его в какой-то мере понимали: дела Хайчетеров оказались совершенно расстроены, но в обществе принимать перестали, да Хьюго туда и не стремился.

– Сэр, – мальчик в форменной охотничьей куртке учтиво поклонился, – вас просят в одиннадцатый номер.

– Быстро ты меня нашел, – весело бросил Хьюго, – можно сказать, что я растроган. Как ты узнал, что я вернулся, наши афиши все еще не в чести!

– Я даже не знал, что ты уезжал.

– Надо же... Я вообще думал осесть в Америке, но, кажется, боксу вышло послабление, а я, что ни говори, старушку Англию ценю. Так что решил попробовать, хотя с этим, – Хайчетер поднял пару странного вида перчаток, потряс и запустил через всю комнату, – чувствуешь себя псом в наморднике.

– А... – протянул Гарри, которого бокс занимал даже меньше, чем обычно. – Этот господин, что был у тебя... Ты ему доверяешь?

– Более чем. Мистер Леви отличный малый! Все, что можно сказать о нем дурного, это то, что он не ест бекон. Странная она, эта высшая воля. Избрать из всех народов один и лишить его свинины...

– Наверное. Мой профессор любит рассуждать на подобные темы. Хью, мне нужна твоя помощь, речь идет о жизни и смерти...

– Хочешь кого-то убить?

– Одного американца, который собрался жениться на Летти. На Летиции Вилкенгем... Ну и чушь же я сказал, самому страшно! Хью, дело в том, что мой сумасшедший родич на самом деле большая умница. Тебя он, кстати говоря, считает настоящим джентльменом и согласен, чтобы ты мне помогал.

– А я согласен с ним. Тот, кто оскорбит этого достойного человека, может рассчитывать на мой коронный боковой. Так что я должен сделать?

– Помоги мне найти клад.

6

– Ничего не выйдет, – безнадежно произнес Гарри, – через неделю сэр Герберт объявит о помолвке, и все будет кон...

– Спокойно, – прикрикнул Хью. – Сэр Фрэнсис не ошибся во мне, хотя ни разу меня не видел, значит, он и в другом не ошибается. А мы с тобой не можем быть глупей спившегося убийцы, который даже паровой машины не знал.

– Мы не глупее, – Морноу невольно улыбнулся, – просто у лорда Бартоломью было двенадцать лет, и его никто не трогал. Если бы мы только могли снести стену в курительной. Тайник должен быть там!

– Несомненно, – кивнул Хью, – нижний коридор длинней верхнего вместе с комнатой. Потайные лестницы часто устраивают вокруг каминных труб, а камин там был, только наш душегуб его перенес. Еще немного и я эту чертову стену отколочу... Пошли, подышим!

Хайчетер галопом бросился вниз по лестнице, Гарри припустился за ним, но догнал только возле холмика, увенчанного построенной при отце беседкой.

– Мы тут уже смотрели, – напомнил Морноу, – и ничего.

– Было б «чего», его бы нашли, когда строили этот эдемчик. Мы знаем, что внизу что-то есть, но надо копать. Мы знаем, что в доме что-то есть, но надо долбить... Лорд Винсент и его потомки порезвились на славу, но тайника не нашли, а его не может не быть, иначе зачем бы леди Анне переживать твоего тезку-многоженца? Смелая все же была женщина, а может и нет, просто выбирая, кого бояться, выбрала не Тюдора, а бога. Это теперь нет ничего страшнее полиции... Пстой-ка! Ее-то лорд Бартоломью и боялся!

– А она уже была? Я про полицию...

– Черт ее знает, но убийц вешали всюю... Когда лорд напивался, он хватал пистолеты и запирался, но на трезвую голову преступник не мог не думать, как и куда удирать. Допустим, он замуровал дверь в сам тайник, но оставить себя без запасного выхода из норы не мог. Есть что-то еще! В комнатах, где он запирался.

– Потайная лестница, как ты и говорил, вокруг трубы, но о ней как раз все знают.

– Куда она ведет?

– Никуда... Просто из дома. В парк...

– Ах, в парк? Ну так погуляем еще раз.

Они гуляли, то есть гулял Гарри, а Хью разве что клумбы не разрывал. Он обшарил окрестности дома, раз пять поднялся и спустился по пресловутой лестнице, снова выбрался в парк и, наконец, повернулся к Гарри:

– Либо мы вторую неделю ищем вот эту самую штуковину, либо я – поэт, причем влюбленный!

– Штуковина? Ты про колодец? Там ничего нет.

– Так ты туда лазил?

– Я – нет, его садовники чистят.

– При леди Анне этот колодец уже был?

– Он еще от первого замка остался...

– Где взять фонарь и веревку?

Гарри показал и честно взялся караулить привязанный к дереву канат; вечерело, парк был пуст и вообще – мистер Хайчетер ищет оброненный брегет.

Морноу ждал, но приятель, кажется, решил поселиться в колодце, и на все призывы отвечал коротким фырканьем. Когда растрепанная голова, наконец, показалась над каменным кольцом, Гарри почти удивился, а боксер преспокойно перелез через край, вытащил пресловутый брегет и открыл крышку.

– Восемь с четвертью, – присвистнул он. – Я думал, меньше. Извини, увлекся, но оно того стоило! Внутри были вбиты скобы, пара даже уцелела...

– И что?

– Если висеть на этих скобах, можно дотянуться до вделанных в стену крестов. Я ими занялся, сперва без толку, потом что-то скрипнуло, и один камень повернулся. Там ниша с кольцом и замочная скважина, нужны отмычки, а еще лучше – вор... Утром поеду добывать.

7

Добытый вор оказался грустным немолодым человеком с аккуратными бакенбардами и докторским саквояжем. Дворецкий его за врача и принял, а Хью укрепил в полезном заблуждении. Лондонский «консультант», явно наслаждаясь загородной прогулкой, проследовал к колодцу, задал несколько вопросов Гарри, еще сильнее напомнив столкнувшегося со сложным случаем эскулапа, снял дорогое пальто и исчез в древней, темной пасти.

– Как ты его нашел? – шепотом поинтересовался Гарри. – И как объяснил?

– Я не имею обыкновения кому-то что-то объяснять, – усмехнулся Хьюго. – Сидящий в колодце господин, за честность и компетентность которого мистер Леви ручается кошельком, решил, что совершенно законный наследник желает удовлетворить совершенно законное же любопытство и разобраться, чего в своем доме он не знает. Размер гонорара оговорен и полностью устраивает обе стороны.

– Гонорара?

– Тебе это не будет стоить ни пенни, мне тоже. Некоторые игроки желают знать исход скачек и поединков еще до их начала. На мой взгляд это напрочь убивает интерес, но я не

делаю ставок, их делают на меня. Не возражаешь, если я как-нибудь засвидетельствую свое почтение старине Фрэнсису?

– Нет, что ты... Хью, а если он не сможет открыть?

– Уподобимся леди Анне и устроим небольшой пожар, после чего выселим слуг во флигель и ночью пробьем стену в курительной. Ты держал в руках кирку? Просить Леви найти пару азартных каменщиков мне не хочется.

Гарри согласился бы взяться за что угодно, но вылезший консультант меланхолично сообщил, что замок открыт.

– Конечно, сэр, это не мое дело, – добавил он, – но я бы с куда большим удовольствием его бы запер, а колодец засыпал. Это дурное место, сэр, можете поверить, моя бабка была уроженкой Шотландии, уж она-то *знала*.

– Что там не так?

– Да все! Одни кресты в стенке чего стоят, а уж за дверью... Бабка сказала б, смердит оттуда. Злом смердит и Смертью. Может, запереть все и забыть?

– Мне тут жить, – вмешался Гарри, – и я хочу знать все.

– Вы только под вечер глядя туда не суйтесь, – забеспокоился вор, – особенно в пятницу и перед праздниками... И этого бы пригласить, экзорциста!

Оставаться в поместье внук шотландской ведьмы отказался наотрез, но пообещал ждать в деревенской гостинице и, если потребуется, вернуться утром.

– Отлично, – обрадовался Гарри, – он не увидит ничего лишнего.

– Ты тоже, – заверил Хью. – Сиди здесь и жди, если я до темноты не вылезу, не вздумай меня спасать в одиночку, а пошли в деревенскую гостиницу за мистером Леви!

– Он тоже приехал?!

– Мистер Леви в ответе за тех, кого рекомендует.

– Одного я тебя не пушу.

– Не будь болваном. Опыта у меня больше; за себя я отвечать готов, за тебя без себя – извини, а вдвоем идти нельзя – вдруг дверь вздумает закрыться.

– Хорошо, – сдался Гарри, и понял, что вниз ему совершенно не хочется, а хочется последовать совету вора и забыть о колодце, предках и убийствах. Он бы и забыл, но тогда Летти увезут в Америку, а это невозможно! – Хью, ты веришь, что там... зло?

– Если б не верил, зачем бы я туда лез? – удивился приятель, и Гарри вынул часы, засекая время. Времени это не понравилось, назло молодому человеку оно перешло с рыси на шаг, а потом и вовсе поползло. Часовые стрелки прилипли к циферблату, а солнце – к помнящему если не леди Анну, то лорда Бартоломью вязу. Хью было легче, он сам куда-то пробирался, а Гарри мог только ждать, раз за разом проверяя отлично закрепленную веревочную лестницу. Где-то далеко-далеко пили свой чай и судачили о «бедном молодом лорде» слуги, обиженная Фэнси сидела на цепи у сторожки, не было видно даже дроздов. Морноу вставал, обходил колодец, садился, вновь поднимался, трогал лестницу, смотрел на часы и чувствовал себя в сказке о сонном королевстве, где уснул даже огонь. Сон наверху, зло в глубине... Молодой человек очередной раз добрал до вяза и прислонился к теплому стволу, не отрывая взгляда от вцепившихся в старые камни крючьев.

– Милорд, – раздалось с той стороны ствола, – не угодно ли вам сказать, который час!

– Хью! Как ты здесь оказался?!

– Леди Анна не помещала все яйца в одну корзину... Гарри, шотландская ведьма может гордиться внуком, у него нюх не только на полицию. Нет, я, разумеется, слышал о скелетах в шкафу, но в подземелье они производят удивительно неприятное впечатление.

– Мне... надо смотреть?

– Не смотреть, а читать. И думать, если это у тебя сейчас получится.

9

«...завещаю все, что еще останется от моего имущества в день моей кончины и чем я вправе распорядиться, Джон-Мортимеру Баррингтону, оказывающему мне в моем нынешнем состоянии величайшую поддержку и заслужившему достойную его награду, как на земле, так и в иных пределах...»

– Хью, – не понял Гарри, – это что?

– Прелюдия. Дальше будет fuga, я бы удивил тебя на полчаса раньше, но зачитался. Любопытнейшая вариация на тему Шекспира, которого господа-актеры вовремя не узнали. Исход был плачевен для всех, кроме Яго, который оказался еще и Мальволио... Я, как ты знаешь, предпочитаю не пить, но вовремя выпитый бренди может спасти рассудок, а он нам еще пригодится. Обоим.

– Да, – согласился Гарри, бестолково крутя желтоватый лист, исписанный больше сотни лет назад. – В гостиной всегда стоял бренди... Мы выпьем, и ты мне все расскажешь.

– Всё? – усмехнулся Хью. – Проще показать, только вниз как-то не тянет, хотя меня там никто не душил. Мне даже в спину не хохотали.

– Неужели? – надсадно пошутил Гарри, которому становилось все неудобнее, и этому не могло помешать даже солнце. – Пошли, в самом деле выпьем.

Может, дворецкий со старшей горничной и допускали, что скоро останутся либо без места, либо без жалованья, но гостиная была в безупречном порядке, а графин полон лучшего бренди. Другого отец Гарри не держал, а новый лорд пока жил старыми запасами, впрочем, расход бренди и вин почти сошел на нет.

– Отдаю должное твоим погребам, – вынес вердикт Хью, – а леди Анне я должное уже отдал, хотя, возможно, следует благодарить Йорков или Ланкастеров, чьи милые отношения вынуждали лордов поскромней рыть норы. Твои родичи могли бы поместить на герб, если не крота, то лисицу...

Сэр Фрэнсис угадал, priest-hole¹⁴ в бывших апартаментах леди Анны имелся, но дом хранил и секреты постарше. В комнате, облюбованной лордом Бартоломью для ночных возлияний, был свой тайник аж с тремя выходами, два из которых вели на потайные лестницы. О большей в доме знали все, о второй – лишь избранные. Придумавший это хитрец неплохо разбирался в человеческой натуре: якобы раскрытый секрет надежно скрывал настоящую тайну. Узкая, не для толстяков, лесенка вела к подземному ходу, по которому в прежние годы можно было либо убраться за пределы поместья, либо подняться в парк или часовню.

Оказавшись в подземельях, Хью направился прочь от дома и вскоре обнаружил короткий отнорок, врезанный в еще один колодец, похоже, как раз под бывшей часовой. Скобы были более или менее целы, и Хайчетер, зацепив фонарь за торчащий из кладки крюк, взобрался достаточно высоко, чтобы снять с решетки странного вида бусы и католические четки. Сверху решетку закрывала каменная плита, поняв, что снизу ее не поднять, Хьюго забрал фонарь и для очистки совести посветил вниз, ожидая увидеть, как блеснет вода. В глубине действительно блеснуло, но это был металлический блеск. Свесившись до упора, Хайчетер разглядел пару скелетов и, кажется, кинжал.

Находка была не из приятных, но бросать дело на полдороге Хью не любил; он прошел главным тоннелем еще с четверть мили, судя по всему, выбрался за пределы усадьбы и уперся в земляной завал. Оставалось вернуться к первому колодцу и проверить ход, ведущий в сторону дома. Это путешествие не затянулось, коридор оканчивался дверцей, которую стерегли уже знакомые парные кресты, а шотландский «консультант» объяснил, что с

¹⁴ Тайное убежище католического священника во время преследования католиков.

ними делать, весьма доходчиво. Протиснувшись потайной лесенкой, Хью очутился в то ли в очень большом шкафу, то ли в очень маленькой каморке с тремя дверями, где не было ничего, кроме незапертого дряхлого бюро с бумагами, под которыми обнаружился ключ. Разумеется, Хьюго решил его проверить; ключ подошел к первой же двери. Надсадно скрипнуло, кладовщик принялся дергать ручку, сперва дверь не поддавалась, затем он догадался потянуть в сторону, показалась щель, Хью поднажал и понял, что круг замкнулся. За сдвинутой панелью виднелась та, якобы потайная лестница, с которой и начались поиски.

– Я оказался любопытен, как Пандора, Ева и все жены Синей Бороды, – развел руками Хьюго. – Да, это не по-товарищески, но бумаги я просмотрел. Сэра Фрэнсиса можно поздравить, тебя пока нет, но мы что-нибудь придумаем. А теперь помянем леди Маргарет... Она так и не увидела ни Нового Света, ни любви. Жаль...

10

Хью жалел давным-давно убитую леди, Гарри – себя и свое гибнущее счастье, очнувшиеся часовые стрелки бодро отсчитывали минуты и часы, графин наполнили второй раз, за окнами стемнело, и Гарри попытался сдвинуть портьеры. Те заупрямились, милорд приналег, что-то сухо затрещало, на помощь пришел мистер Хайчетер, и жутковатая тьма скрылась за зеленым бархатом. Пробило четверть десятого.

– Пожалуй, – решил Хьюго, – мне пора. Подхвачу мистера Леви, и мы отлично успеем на лондонский поезд.

– Как? – испугался Гарри, – не надо! Сиди здесь...

– Сидеть где бы то ни было глупо. Гарри, нужно действовать, причем не откладывая!

– Тогда, – отрезал Морноу, – я тоже... еду... Все равно... все кончено!

– «Все равно все» поэты не говорят.

– А я больше не поэт... Я вообще... Хочу в Лондон! Там экзорцисты...

– Ты боишься?

– Да, черт побери! Хью, давай уедем в Америку. На пароходе... Он утонет, и все будет кончено!

– Ты же объявил, что кончено уже!

– Да... И я не хочу влачить свои дни... Хью, я наливаю?

– Лучше я. Гарри, я остаюсь, но с условием. Ты прочтешь откровения лорда Бартоломью.

– Потом... Мне нужно в Лондон... – Гарри вскочил, но как-то неудачно, пришлось снова сесть. – Где моя трость? О... Что-то упало. О, твои бумаги! Выпьем?.. Выпьем и поедем!

– Завтра. Ты будешь читать?

– Буду... – Морноу нагнулся, чтобы понять письмо, оно было мерзким, словно к нему присохли пауки. – «Я... Бартоломью Стэнли... барон Морноу решил доверить бумаге... печальные и чудовищные обстоятельства... моей жизни...» Хью, меня сейчас стошнит!

– Вряд ли от лорда Бартоломью!

– От кого же еще?.. Он гнусен... А бренди просто отличный! Больше у меня такого не... будет! Морноу с таким долгом... не продать... И не перез... перезаложить... Мне теперь тут жить... со скелетами... а Летти...

– Чтобы добыть Летти, тебе нужно прочесть признание, но это терпит до завтра.

– Нет!.. Но читать я не стану, там такие буквы... О, ты же читал, так расскажи... И поедем в Лондон.

– Изволь. Лорд Бартоломью в молодости был очень честолюбив и мечтал об успехе в столице. Средства позволяли, не хватало связей, и барон принялся искать подходящую

невесту. Искал долго, но наконец остановился на мисс Маргарет Стенфилд, чья родня обладала большим влиянием. Жениху исполнилось тридцать пять, невесте – семнадцать. Успеха в свете девица не имела, к тому же страдала болезненной худобой, однако Морноу это волновало меньше всего. Лорд сделал предложение, оно было благосклонно принято. Супруг пропадал в парламенте и политических салонах, супруга музицировала и читала книги, всё всех устраивало. Через три года баронесса Морноу родила дочь и произошло чудо. Молодая женщина невероятно похорошела, и лорд Бартоломью влюбился в собственную жену с безоглядностью Отелло. И с его же глупостью.

Знакомые леди Морноу, скрашивавшие ее былое одиночество, стали вызывать у супруга болезненную ревность, распространившуюся затем на всех джентльменов, с которыми прекрасная Маргарет обменялась хотя бы парой слов. Лорд начал пренебрегать службой, что пагубно сказалось на его политических успехах, но ревнивица карьера более не занимала. Он увез жену в родовое имение, где и зажил, прервав почти все связи с внешним миром. Леди это не нравилось, но она смирилась, посвятив себя дочери, обустройству парка и чтению. Тем не менее муж ревновал жену все сильнее, отсутствие джентльменов ему не мешало, он видел угрозу в священнике, лесничем, даже в конюхах.

Похоже, Бартоломью понимал, что жена его не любит, но искал причину не в себе, а в возможных соперниках. Наперсником лорда стал дворецкий Баррингтон, вызвавший у леди непонятное ей самой отвращение. Этого хватило, чтобы ревнивец проникся к Баррингтону полным доверием, а дворецкий оказался достаточно хитер, чтобы использовать слабость господина в своих целях. Новоявленный Яго принялся растравлять хозяйские раны. Кто знает, на что он рассчитывал, но мерзавцу сказочно повезло. Лорд Бартоломью получил письмо от человека, которого прежде называл другом. Тот просил оказать гостеприимство его двоюродному брату Грегори Чеснею, оказавшемуся замешанным в громком скандале. Грегори не совершил ничего постыдного, это сделали другие, но само его присутствие в Лондоне создавало сложности для одной важной и при этом мстительной особы. Друг барона опасался за жизнь кузена и решил, что самым безопасным местом для него является Морноу. Дурак!..

– Кто? – уточнил Гарри, пытавшийся следить за рассказом, но в нем было слишком много персон, а в углу комнаты кто-то стоял. Довольно приятный... – Хью, может быть предложим джентльмену бренди?

– Кому-кому? – не понял Хьюго и завертел головой. Гарри хотел объяснить, но угол был пуст, если, конечно, не считать пальмы в кадке.

– Мне показалось, – честно признался хозяин Морноу. – Что там у тебя дальше?

– У тебя, Гарри, у тебя! Леди имела глупость воспротивиться приезду гостя, и это решило дело: лорд счел юношу безопасным и тот был приглашен. Грегори и Маргарет встретились, а дальше за дело взялся Яго Баррингтон, убедивший ревнильца в худшем. В один из вечеров, а лорд Бартоломью к тому времени уже стал подданным Бахуса, дворецкий сообщил, что Маргарет и Грегори уединились. Лорд бросился к жене, леди была одна, но одурманенный винными парами супруг слышал лишь зеленоглазую ведьму¹⁵. Он осыпал жену упреками, и Маргарет, не выдержав, бросила ревнильцу в лицо все, что столько лет держала при себе. В разгар ссоры ворвался Грегори, который либо услышал шум, либо, и это вероятней всего, был вызван якобы встревоженным дворецким. Появление «любовника» в глазах лорда стало решающим доказательством, он выхватил кинжал, с которым не расставался, и ударил «изменницу» в грудь, а затем бросился на безоружного молодого человека. Они покатались по полу, Грегори ударился головой о выступ камина, и лорд Бартоломью его добил. Подоспевший дворецкий подсказал начинающему трезветь хозяину выход – разыг-

¹⁵ Отсыл к «Отелло» – Ревности остерегайтесь, Зеленоглазой ведьмы, генерал, Которая смеется над добычей.

рать побег. Вдвоем они перенесли тела сначала в тайник, а затем сбросили в колодец: предавать тела земле оскорбленный супруг не пожелал.

Чтобы замести следы, у мерзавцев была целая ночь, и они ей воспользовались в полной мере. Лорду Бартоломью следовало бы прикончить еще и дворецкого, но ревнивец был для этого слишком глуп. Он угодил в полную зависимость от своего помощника, к тому же у лорда начались галлюцинации. Ему начали мерещиться призраки, в Морноу зачастили шарлатаны, но *Delirium Tremens* нас не касается...

– Н-не касается, – согласился Гарри, – нас ничто не касается... Если Летти мне... изменит... Я ее тоже... убью. Но сперва этого... Баррингтона...

– Только не сегодня, – зевнул Хью, – уже поздно. Спать пора.

– Ничего не поздно! Ты просто много... выпил, – Гарри засмеялся и посмотрел на часы. – О, уже полночь... А-а-а-а!!!

Она сидела в кресле, и в груди у нее торчал кинжал, кровь заливала старинное кружево и мерно капала на ковер, но леди этого не замечала. Она с удивлением озиралась по сторонам, потом тронула пальчиком бокал Хью и улыбнулась.

– Вы пили за меня, – прошептала она, – это так приятно...

– Хью, – крикнул Гарри, – у нее кинжал!

– Он давно, – объяснила леди, – он не мешает. Выпейте за Грегори, пожалуйста, выпейте за Грегори! Он так нуждается в обществе...

– Хью, не пей!

– Спокойно, один бокал мне не повредит. – Хью взял успевший опустеть на две трети графин. – Леди Морноу, я готов пройти туда, где вам обоим будет удобно, но мой друг останется здесь. Он устал.

– Хью!

– Я скоро вернусь, – Хьюго галантно открыл дверь и отступил, пропуская леди, но она исчезла в стене, и это было последним, что Гарри увидел и запомнил.

11

Бурная ночь мистеру Хайчетеру не навредила. Поднявшись с рассветом, Хьюго запретил тревожить молодого хозяина и умчался в деревню, где сразу же отыскал мистера Леви. Тот как раз объяснял, чего ни в коем случае нельзя подавать на завтрак, а что, наоборот, необходимо. Явившийся в сей ответственный момент Хью выразил свое мнение, заказав яичницу с беконом, чем внес в душу хозяина гостиницы некоторое успокоение.

За столом достопочтенный Хьюго поделился с мистером Леви некоторыми мыслями, и тот выслушал сперва с недоумением, затем – с явным удовольствием, после чего извлек из саквояжа пухлый журнал для записей и углубился в расчеты; ухода своего сотрапезника он даже не заметил. Покинув мистера Леви, Хью зашел на почту, где дал несколько телеграмм, после чего отправился на железнодорожную станцию. В Морноу он вернулся ближе к полуночи и нашел своего друга в удручающем состоянии. Терзаемый головной болью и душевными муками Гарри полулежал в кресле и выглядел просто отвратительно.

– А ну встряхнись, – велел Хью, берясь за графин с бренди, – я кое-что предпринял, но права распоряжаться чужими скелетами у меня нет.

– Мне передали, что ты уезжал. Куда?

– По твоим делам.

– Спасибо, хотя теперь все бессмысленно.

– Когда болит голова, бессмысленно все. Выпей, пройдет.

– Нет! Я не буду больше пить, никогда! Этот кровавый кошмар... Он будет преследовать меня всю жизнь, и вряд ли та окажется длинной.

– Гарри, – Хью разлил бренди по бокалам и всучил один приятелю, – осталось совсем немного.

– О да, – уныло кивнул хозяин Морноу, – в субботу Летти отдадут американцу, и я...

– Отдадут, если будешь ныть; без тебя я ничего сделать не смогу. Проклятье, насколько легче иметь дело с призраками!

– Ты, ты ее тоже видел?! – Генри осушил бокал, но вряд ли это заметил. – Ты видел этот кровавый ужас?! Это бледное лицо и кинжал в груди?!

– Видел, – подтвердил Хью. – Кинжал ей насколько не мешает.

– Хью, над любовью и смертью не шутят!

– Да будь я проклят, если шучу, они мне сами сказали.

– Призрак?!

– Их там двое! Призраки разговаривают, мне не веришь, Шекспиру поверь, а эти еще, к счастью для нас, неглупы. Леди очень зла на супруга и ценит комплименты, джентльмен не лишен тщеславия и очень скучает. Я уговорил их на интервью; надеюсь, что они не подведут. Глянь, кстати...

– Что это?

– Вечерняя «Кроникл». Сэр Фрэнсис разрешил мне действовать от твоего имени; он удручен тем, что упустил в своих построениях дворецкого.

Гарри равнодушно взглянул на газету и вздрогнул, его лицо начало медленно багроветь. Читал хозяин Морноу долго, очень долго, затем вскочил, будто в старинном кресле распрямилась чудовищной силы пружина, и, сжимая кулаки, подступил к предателю и негодяю.

– Я знаю, – почти провыл он, – знаю, чем ты добываешь свои деньги... Ты в самом деле не джентльмен, но я не боюсь! Ты можешь меня избить, даже убить, ты можешь...

– Могу, – подтвердил Хью. Что-то стремительно мелькнуло, и Гарри отлетел назад, плюхнувшись в то же кресло, откуда вскочил. – Тебя что-то не устраивает?

– Как ты посмел? Как ты только посмел?!

– Иногда приходится.

Хью с очевидным удовольствием пробежал глазами заметку, повествующую о том, что с молодым лордом М. начали происходить странные события. В день смерти отца молодой человек услышал голос, который вскоре стал его постоянным спутником. Сперва невнятный, он становился все четче и, наконец, сложился в стихи. Сонеты и канцоны преследовали несчастного, единственным способом избавиться от наваждения было записать рвущие душу строфы. Тогда поэт-невидимка исчезал, чтобы следующей полночью вернуться с новым творением. Так продолжалось больше месяца. Лорд М. был сам не чужд поэзии, но никогда не писал столь быстро и предпочитал более новые формы.

Молодой человек отнес случившееся на счет перенесенных им потрясений и надеялся, что со временем странное вдохновение его покинет, но к первому голосу присоединился второй, женский. Неизвестная леди, глотая слезы, умоляла спасти ее репутацию и клялась, что невиновна в приписываемых ей низостях. Потрясенный М., будучи до мозга костей джентльменом, хоть и полагал происходящее галлюцинацией, пообещал незнакомке свою помощь. Каков же был его ужас, когда в ответ он услышал о жутком преступлении...

Хью отложил газету и взглянул на сжавшегося в комок приятеля, чья ярость уступила место безнадежному отчаянию.

– А по-моему, – удовлетворенно произнес Хью, – вышло вполне пристойно. Правда, у меня всегда были сложности с пунктуацией.

– Что за бред! Что за бред... И еще ты укра... взял мои стихи!

– Стихи – косвенное доказательство достоверности, – объяснил Хью, – к тому же, будучи твоими, они не имеют никаких шансов на успех. Ты слишком обычен, Гарри, и вирши твои тоже обычны. Ну, великая страсть, ну, утонченность, ну, предчувствие смерти и пре-

зрение к тем, кто никогда не поймет... Такое пишут все, зато никто не читает. Иное дело, если это – голос призрака, настоящая смерть предает школярским излипаниям весомость. А история оклеветанной и прекрасной леди Маргарет! Тебе был нужен клад? Ты его нашел. Ты хочешь выставить американского жениха прочь и с позором? Послезавтра мы его выставим. Как только позавтракаем и проводим лондонских репортеров, а теперь самое время заняться стихами. Их понадобится много, у мертвого любовника была уйма времени, а делать ему было нечего. Бедняга даже выйти погулять из-за этой индусской дряни не мог.

– Как ты циничен!

– Ты путаешь, дружище, – покачал головой Хьюго и наполнил свой бокал. – Циничен и пресыщен не я, а ты. В своих сонетах, когда они не о Летти. Зато мы оба сыновья промотавшихся лордов, а сэр Герберт промотался сам, хотя это не совсем его вина. Наше время кончается и кончится, если мы не проснемся.

– Мы? Ты уже проснулся, даже слишком!

– Меня растолкали отцовские кредиторы, причем крайне невежливо, а потом возник мистер Леви и предложил поучаствовать в призовом бое. Я, как истый джентльмен, влил ему пощечину, Леви подставил другую щеку. Он всегда подставит другую щеку, если речь идет о более чем трехкратной прибыли. Я от растерянности его выслушал и согласился. Ты выслушаешь меня и тоже согласишься. У нас нет другого выхода, Гарри, разве что заживо стать призраками и стенать об уходящем, отдав мир отродьям подлых дворецких.

– Ну уж нет! – рывкнул одиннадцатый барон Морноу и подставил бокал.

Эпилог

Сэр Фрэнсис виновато взглянул на своего змея.

– Ужасно неприятно прерывать чужой полет, – посетовал он, – но иногда без этого не обойтись, хотя Юлий Цезарь, возможно, смог бы... Итак, потомок дворецкого посрамлен, нас ждут ужасные, но модные книги, вы не знаете, как увернуться от визитов в Морноу, а Гарри – как скрыть от респектабельных соседей источник вашего существования. Кто говорил с сэром Гербертом? Мистер Леви?

– Да, он подсчитал вероятную прибыль от псевдопоэзии Грегори, пьесы с последующими постановками, романа и колонки леди Маргарет в дамском журнале, хотя основной доход будут приносить приватные встречи состоятельных туристов с призраками. Гарри получил уже больше сотни писем, из которых мистер Леви отобрал сорок, так что приемы расписаны на год вперед. Леди Маргарет довольна, ей всю жизнь не хватало общества, а Грегори, кажется, поверил, что днем, когда расточается, диктует лорду Морноу стихи. Кстати, читает он их лучше Гарри, тот слишком воет.

– Это доказывает, что бедный покойный молодой человек никогда не был поэтом. Что вы сказали мистеру Баррингтону?

– Что быть родичем убившего жену лорда в Соединенном Королевстве почитается элитным, а вести свой род от злодея-дворецкого – нет, и что в связи со вновь открывшимися обстоятельствами ему лучше войти в высший свет на континенте. Кажется, он понял довольно своеобразно, теперь он намерен сменить имя и отправиться изучать математику.

– Математики опасны, особенно, если у них в роду были преступники. Вы очень огорчитесь, если я укажу вам на возможную ошибку?

– Не думаю...

– Вы зря поверили признанию лорда Бартоломью. Все было намного проще: дворецкий шантажировал хозяина-убийцу, и тот был вынужден платить, многие убийцы такие трусы... Кто учил вас читать? Я не имею в виду умение складывать из букв слова.

– Я был скверным учеником, – признался Хью, – из университета я сбежал, так и не поняв, почему смерть Гамлета считается потерей для Дании и мира.

– Вас можно поздравить, вы сумели не только Яго опознать, а это в самом деле был Яго, просто лорд Бартоломью натянул творение Шекспира на довольно-таки мелких людшек. Хозяин Морноу не желал отвечать за содеянное, и при этом ему мучительно хотелось выставить себя благородным страдальцем. Так появилась исповедь. Кроме того, лорд мечтал отомстить загнавшему его в угол дворецкому, но боялся. Вы согласны?

– Пожалуй, да. Полагаю, Баррингтон принял соответствующие меры предосторожности, иначе он бы уже лежал в том или ином колодце.

– Вот-вот, а негодяй пережил хозяина и вывез сокровища Морноу в Америку, где они сперва стали унциями и каратами, а затем – верфями. Законный наследник лорда Бартоломью получил только разоренный майорат, а ведь завещание смиренно лежало в тайнике. Возникает вопрос, зачем оно вообще понадобилось, ведь у завещателя к тому времени не оставалось ничего.

– Кроме привидений.

– Вот именно! Среди приезжавших в Морноу шарлатанов оказался кто-то понимающий в загробных делах. Призраков удалось запереть в подземелье, поначалу лорда это вполне устраивало, но потом в измученную алкоголем и злобой голову пришла мысль натравить убитых на Баррингтона. В старину бытовало мнение, что от проклятия можно избавиться, дав его в придачу к чему-нибудь полезному. Человек принимает дар и вместе с ним – свою погибель.

Баррингтону, чтобы вложить добытые шантажом ценности в дело, пришлось покинуть Англию, но завещание лорда превращало преступника в честного слугу, которому повезло разбогатеть. Сэр Винсент вряд ли бы оспорил последнюю волю кузена, так что дворецкому оставалось лишь разыграть удивление и с благодарностью «принять» то, что и так уже было у него. Пройдоха не упустил бы такой шанс, но ему вновь повезло. Лорд Бартоломью скоропостижно скончался, его бумаги остались лежать в тайнике. Судьба предназначила их вам, и вы распорядились находкой выше всяческих похвал.

– Да, – улыбнулся Хью, – удачно получилось. Даже жаль, что все позади.

– Позади у вас лишь прошлое, а оно не ценней разбитой скорлупы. Этот омлет вы уже приготовили и накормили голодного друга, а для нового нужны свежие яйца. Если вы не возражаете, давайте вернем змея в небо, Эндрю все равно будет лишь после обеда. Судя по его телеграмме, один джентльмен нашел зонтик, но потерял супругу. Вы остаетесь?

– О да, – сказал мистер Хайчетер и наклонился, чтобы поднять готового к полету змея.

Александр Золотько Ловушка

Сергею Пальцу с благодарностью за помощь и советы

– ...Солнце уже поднялось в зенит, и тень нашего корабля скользила по волнующимся под ветром травам бесконечной степи, тянущейся от горизонта до горизонта...

– Это не степь, – сказал Джо Конвей.

– Что? – вскинула голову Алиса.

– Вы написали – «степь», а это не степь. Это буш. Или даже можно написать – вельд, но никак не степь. Чтобы было понятно даже вам, это все равно, если бы я назвал, например, пудру – зубным порошком. Степь – это в Сибири. Россия, Волга, татары... Правда, Энтони? – американец оглянулся на сидевшего в легком плетеном кресле русского. – Это ведь у вас там степь?

Антон Егоров улыбнулся и кивнул, не вдаваясь в подробности, которые Конвея не интересовали. Кроме того, вступать сейчас в разговор было опасно – Алиса Стенли, корреспондент «Ежевечернего обозревателя» из Глазго очень серьезно относилась к защите прав и свобод всех женщин мира в общем, и своей свободы в частности. Конвей, заглянувший через плечо в ее блокнот, слишком близко подошел к пределу дозволенного приличиями, и это не могло не привести к взрыву страстей.

За двое суток путешествия все члены экипажа «Борея», воздушного корабля второго ранга Флота Ее Величества, и его пассажиры уже поняли, что юная леди не просто готова постоять за то, что считает своей свободой, но жаждет сражений, ищет малейшую возможность, чтобы продемонстрировать свой независимый нрав.

– Та-ак... – протянул Тома Дежон, и заслонился раскрытой книгой, увидев, что краска гнева покрыла милое лицо Алисы, а маленькие изящные ладони сжались в кулачки. – Вот сейчас...

– Вы... Вы – хам! Вы отродье нации хамов! Вам, как и вашей родине, чуждо понятие чести и благородства, – Алиса медленно встала с дивана и повернулась к широко улыбавшемуся американцу. – Ваша глупейшая улыбка свидетельствует, что под крышкой вашей черепной коробки так же мало мозгов, как и...

Алиса задумалась, пытаясь придумать наиболее оскорбительное сравнение, но ничего в голову не приходило. Было огромное желание просто вlepить затрецину мужиковатому хаму, одну из тех, что Алиса отработала на своих братьях еще в детстве, но в приличном обществе – а люди в салоне «Борея» относились именно к приличному обществу – бить по лицу было неприлично.

Ну вот, подумала Алиса, еще и тавтологию допустила «неприлично в приличном». Какой кошмар! Хорошо, что не вслух. Француз всплеснул бы руками и огорченно поцокал языком, русский чуть прищурился бы и отвернулся к иллюминатору, и даже японец, обычно невозмутимо взиравший на все перипетии отношений европейских коллег друг с другом и, в особенности, с юной Алисой Стенли, осуждающе покачал бы головой.

Черт, подумала Алиса. Решила, что получилось недостаточно энергично, и добавила:

– Дьявол! Дьявольщина, черт побери!

– Я!.. Вы!.. – Алиса почувствовала, что задыхается от гнева, вырвала из записной книжки листок со злосчастной фразой, скомкала его и вышвырнула в окно. В иллюминатор. Попыталась. Легкий ветер, влетающий в ярко освещенный солнечным светом салон, остановил смятую бумагу и отбросил обратно в помещение.

Даже ветер... Даже стихии против нее!..

Чувствуя, что еще мгновение, и слезы потекут из глаз, Алиса оглянулась вокруг, словно ища защиты и поддержки... или выбирая предмет потяжелее, чтобы поразить виновника ее позора – да-да, именно позора, иначе никак не назовешь нелепую ситуацию, в которую попала Алиса, да еще на глазах этих самодовольных, грубых, бессердечных, зазнавшихся, шовинистических, дремучих... и еще отвратительных... безнравственных, развращенных... мужчин. Если бы Алиса только могла... Если бы только...

– Мисс Стенли...

Алиса оглянулась на голос, прозвучавший от входа в салон. На пороге стоял старший помощник капитана «Борея» Френсис Уилкокс, и стоял он там уже, наверное, несколько минут, вполне имея возможность насладиться позором Алисы Стенли, корреспондента «Ежевечернего обозревателя» из Глазго, в полной мере.

– Что? – дрожащим голосом спросила Алиса.

– Вы просили за завтраком капитана устроить для вас экскурсию по кораблю, – еле заметно улыбнувшись, сказал старший помощник. – Вас интересовало техническое устройство «Борея»...

– Да, а что? – уже чуть спокойней спросила Алиса.

– У мистера Бимона, инженера нашего корабля, появилось свободное время, чтобы проводить вас по машинному отделению... и другим техническим помещениям «Борея». Джентльмены, я полагаю, этой экскурсией не заинтересуются, насколько я знаю, они уже неоднократно бывали на воздушных кораблях...

– Да-да-да... – быстро выпалил Конвей. – Неоднократно и регулярно. Буквально каждый день. Уже просто видеть не могу эти кочегарки, гальванические элементы, компрессоры, горелки и нагнетатели термогена... Особенно – нагнетатели. Я, знаете ли, был в Париже, когда отказали охладители на «Луизе». Оплавленная верхушка Эйфелевой башни – это меня впечатлило. Да, впечатлило. Мне повезло, что я находился в двухстах ярдах от места катастрофы. Но даже там я получил ожог лица...

– Жаль, что не языка, – тихо, но, все-таки, достаточно отчетливо прошептала Алиса и, обворожительно улыбнувшись Уилкоксу, произнесла самым очаровательным тоном: – Я благодарна вам... и другим истинным джентльменам, которые служат на этом прекрасном корабле.

Алиса грациозно выскользнула из салона. Дверь закрылась.

– Что вы говорите... – американец усмехнулся и сел в только что оставленное девушкой кресло. – Какие мы вспыльчивые. На месте бедняги Уилкокса я бы не водил ее к нагнетателям термогена. Девушка вспылит по какому-нибудь поводу, искра перескочит на резервуар, а там небольшая утечка... и взрыв!

– Вы и вправду видели взрыв «Луизы»? – спросил Егоров.

– К сожалению, – став серьезным, кивнул американец. – Или к счастью. Видел, а не принял участие. Знаете, я ведь мальчишкой немного пострелял во время Гражданской войны, но такого ужаса...

– И до сих пор не выяснили, что стало причиной?

– Как? Температура концентрированного термогена... теплорода (я правильно произнес это по-русски?), в момент вспышки такова, что... От тел членов экипажа и пассажиров не осталось ровным счетом ничего. Все превратилось в пар... даже пепла почти не было. Только оплавленные комки стали остались от шпангоутов и двигателей. Там могло быть все, что угодно, от простой утечки этого самого теплорода, до диверсии.

– Конструктор «Луизы» и завод-изготовитель двигателей утверждали, что технического сбоя быть не могло... – сказал Тома Дежон.

– А что они могли еще сказать? – приподнял бровь американец. – Извините, господа, это по нашей вине превратились в ничто сорок семь членов экипажа и восемьдесят пять пассажиров?

– Восемьдесят четыре, – тихо возразил Дежон.

– Это почему? Все билеты были проданы на месяц вперед, пустого места быть просто не могло...

– Могло, я не успел на корабль, – сказал Дежон, чуть побледнев. – На полчаса. Меня попытались убить мальчишки из «Союза Анархии». Пока я стрелял, а потом боксировал, а потом получил лезвием навахи по ребрам... В общем, я попал в госпиталь, а не на борт «Луизы» и пока меня перевязывали...

В салоне воцарилась тишина.

Американец наклонился и поднял смятый листок, брошенный Алисой, развернул и разгладил на столе перед собой.

– Значит, так... – пробормотал он, рассматривая ровные аккуратные строчки, написанные мисс Стенли. – Значит, писать они не умеют. Какому идиоту в ее «Ежевечернем обозревателе» пришла в голову идея, что наша милая и кроткая мисс Фурия способна написать хоть что-то вразумительное по поводу нашей экспедиции?.. Волны тепла, значит, накатываются на холодные горы облаков, подтачивают их, словно воды, разрушающие громады айсбергов...

– Так и написано – «хладные»? – поинтересовался Дежон.

– Именно – хладные. Просто какой-то Вальтер Скотт. Будто сейчас самое начало девятнадцатого века... – американец собрался еще что-то процитировать из написанного, снова заглянул в бумажку и передумал.

Текст был настолько беспомощен, что вызывал не насмешку, а жалость.

– Вы к ней несправедливы, – сказал Дежон. – Она очень милая... да, немного испорченная бреднями суфражисток, но вместе с тем... Столько огня, задора... К тому же, она, кажется, хорошо фотографирует. Во всяком случае, ее фотографический аппарат лично мне внушает громадное уважение. Все эти линзы, рычажки, эта фотовспышка... Будьте к ней снисходительны...

– К фотовспышке? А, к мисс гениальной писательнице? Я к ней снисходителен. Я невероятно снисходителен, если бы мои приятели из Техаса меня сейчас видели, то освистали бы... как последнюю размазню. Я, видите ли, к ней несправедлив! – американец огляделся по сторонам в поисках плевательницы, но в салоне корабля Ее Императорского Величества «Борей» такой необходимой детали обстановки, к сожалению, не было. – Это вы... и наши brave летуны, от капитана до последнего матросика, млеете в ее присутствии, а я... Почему, собственно, она пользуется такими привилегиями?

– Ну, она дама, – напомнил Егоров.

– Что вы говорите? – восхитился американец. – Но она ведь постоянно борется за равноправие. Так ведь? Тогда почему ей выделили отдельную каюту? Мы же говорим о полном равенстве полов, джентльмены. О равенстве. Значит, какие могут быть реверансы? Простые товарищеские отношения. Прекрасно поспали бы на соседних койках.

– Вы просто не можете ей простить то, что в результате вам пришлось поселиться в каюте с мичманами, – сказал Егоров.

– Да, не могу. У меня очень чуткий сон, а у этого треклятого мичмана... у Смитстоуна, такой дикий храп... Кто мог подумать, что в этом тщедушном теле восемнадцатилетнего мальчишки вмещается столько рева и клокотания? И самое главное, он ведь не просыпается даже от пинков. Меня второй сосед предупредил, что это бессмысленно, нужно просто принять как неизбежное и терпеть...

– И поэтому вы прошлым вечером прихватили с собой в каюту бутылку бренди? – поинтересовался Дежон.

– Да, сон это не улучшает, но желание придушить мичмана Смитстоуна немного уменьшается... Кстати, ни у кого нет желания немного выпить перед обедом? Эти воспоминания о ночных кошмарах... да и о несчастной «Луизе»... требуют каких-то лечебных действий... О... – Конвей указал рукой на тень от спинки кресла, скользящую по полу: – Мы меняем курс?

– И уже третий раз за последний час, – кивнул Егоров. – У меня складывается ощущение, что капитан что-то разыскивает в этой степи... извините, в этом буше или вельде.

– Нигера, – быстро сказал Конвей. – Он разыскивает нигера, потому что нигера нужно искать днем, ночью нигера не найдешь, пока он не улыбнется. А за каким чертом нигеру улыбаться ночью?

– Какого нигера? – поинтересовался Дежон. – Какого-то определенного нигера, или...

– Или. Любого. Достаточно тупого, чтобы оказаться в тысяче ярдов от «Борея», на дальности выстрела нашего уважаемого попутчика мистера Яна Ретифа. Вы обратили внимание, он ведь каждый день дежурит на дозорной площадке со своим «громобоем»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.